

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF PHILOSOPHICAL SCIENCES**

№ 4 (48)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / PHILOSOPHICAL JOURNAL

**Издается с 2009 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2009
Quarterly**

**Москва
2023**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Жукоцкая А. В. главный редактор	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
Черненко С. В. заместитель главного редактора	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, кандидат философских наук, доцент
Осмоловская С. М. ответственный секретарь	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, кандидат социологических наук
Кожевников С. Б.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
Бирич И. А.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, доцент
Мамедова Н. М.	профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор философских наук, профессор
Хилханов Д. Л.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук, профессор
Оганисян А. О.	профессор кафедры философии и логики им. академика Георга Брутяна Армянского государственного педагогического университета им. Хачатуря Абовяна, доктор философских наук
Чжан Байчунь	профессор Института философии Пекинского педагогического университета, кандидат философских наук

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера	5
---------------------	---

Социальная философия

<i>Мамедова Н. М.</i> Социальная онтология: смена парадигм.....	6
<i>Васильев В. В.</i> Политическая история и феномен социальной неопределенности.....	17
<i>Борзова Е. П., Ковалев А. А.</i> Теоретические подходы к объяснению причин и факторов современных международных конфликтов	28
<i>Твердынин Н. М.</i> Неоднозначность принятия общественным сознанием новых материалов и технологий	47
<i>Матренина Л. Ф., Скородумова О. Б.</i> Гуманитарные последствия конвергентных технологий: в поисках консенсуса	57

История идей и современность

<i>Кучеренко А. В.</i> Специфика метода познания И. Канта.....	71
--	----

Исследование молодых ученых

<i>Лакаев П. В.</i> О понятиях «экстремальность» и «мера»: краткий историко-философский обзор.....	81
<i>Третьякова А. И.</i> Особенности функционирования культуры под воздействием регионализации в условиях глобализации.....	89

Требования к оформлению статей.....	98
-------------------------------------	----

CONTENTS

Word of Editor in Chief

The Objectives of the Issue 5

Social Philosophy

Mamedova N. M. Social Ontology: a Paradigm Change 6

Vasiliev V. V. Political History and the Phenomenon
of Social Uncertainty 17

Borzova E. P., Kovalev A. A. Theoretical Approaches
to Explaining the Causes and Factors of Modern
International Conflicts..... 28

Tverdynin N. M. The Ambiguity of the Acceptance of New
Materials and Technologies by the Public Consciousness..... 47

Matronina L. F., Skorodumova O. B. Humanitarian Impacts
of Convergent Technologies: in Search of Consensus..... 57

History of Ideas and Modernity

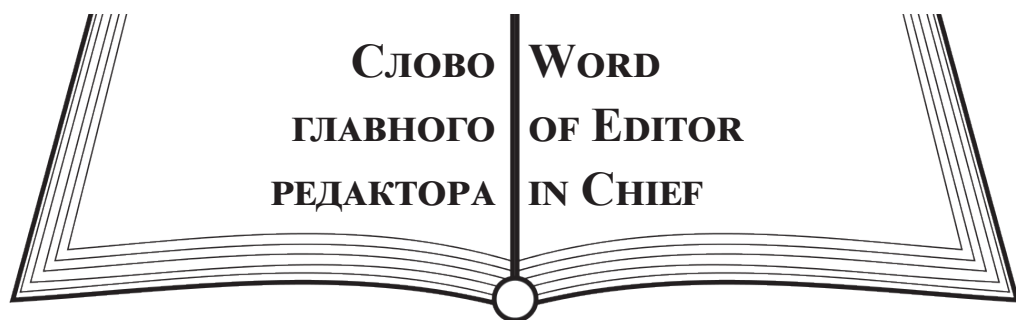
Kucherenko A. V. Specifics of I. Kant’s Method of Cognition 71

Research by Young Scientists

Lakaev P. V. On the Concepts of “Extremity” and “Measure”:
a Brief Historical and Philosophical Review 81

Tretyakova A. I. Features of the Functioning of Culture under
the Influence of Regionalization in the Context of Globalization 89

Requirements for Style Articles 98

СЛОВО
ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА

WORD
OF EDITOR
IN CHIEF

ЗАДАЧИ НОМЕРА

Как понять и как определить бытие современности, его онтологический статус? Это один из основных проблемных вопросов данного номера. В какой современности мы живем и чем детерминированы ее основные черты — сложностью и гетерогенностью социального? Неопределенностью? Изономностью или «симметричной онтологией» (Латур), т. е. одинаковым онтологическим статусом всего существующего? Или возможностями NBIC-технологий, рисками дегуманизированной реальности и распространением идей трансгуманизма? Как изучать такую современность? Наши авторы предлагают разные методологические подходы и основания: от экзистенциального до конструктивистского. Очевидно, что при сложности, многогранности и многозначности самого феномена методология его исследования также должна носить компаративистский характер. Междисциплинарность исследований — один из немногих адекватных способов описания и изучения онтологии современности. Сближение естественнонаучной и гуманитарной

исследовательских программ, согласование парадигм системности и сетевых коммуникативных оснований может обеспечить более или менее адекватную онтологическую и эпистемологическую рефлексию современности. Это не означает, конечно, что время классической философской парадигмы закончилось, скорее наоборот, настало время для очередного переосмысления классического философского дискурса. Именно поэтому наши авторы вновь обращаются к кантовским принципам работы нашего сознания, его дихотомичности, априорности форм чувственности и рассудка, идеям чистого разума и т. д. Тема власти и контроля над реальностью, конфликтности общественных структур и отношений органично вписывается в общий сложный философско-политический дискурс, который также нуждается не только в теоретическом осмыслении, но и в практическом применении результатов исследования. Неизменно одно — все исследователи хотят избежать либо нивелировать потенциальные гуманитарные риски, сохранить уникальную природу человека, его целостность и индивидуальность.

Научно-исследовательская статья

УДК 101.9

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.1

СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ: СМЕНА ПАРАДИГМ

Мамедова Н. М.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Москва, Россия,

mamedova.nm@rea.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7887-8724>

Аннотация. В статье проанализирован эвристический потенциал различных парадигм современного онтологического дискурса. Многогранность дискурса отражает сложность и гетерогенность социального в различных модусах его бытия: экзистенциального, системного, сетевого. Философия экзистенциализма создала методологию исследования уникального человеческого существования, наиболее адекватный язык его описания, ввела в философский дискурс новую онтологическую реальность — экзистенцию личности. Коммуникативная онтология, в которой коммуникация не только отражает и передает информацию, но и активно создает и конструирует реальность, возникла как междисциплинарный проект исследований в области философии, социологии, политологии, теории коммуникации. Радикальный поворот в социальной онтологии связан с перестройкой социальной теории на основе систем (Н. Луман) и сетей (Б. Латур), в которой отразилось характерное для постнеклассики сближение естественно-научной и социогуманитарной программ исследования. В статье подчеркивается, что проблема современной онтологической рефлексии — согласование этих парадигм. Проблема состоит в объединении, конвергенции этих подходов. На какой основе возможен транспарадигмальный синтез в социальной онтологии? Автор полагает, что парадигма сложности является релевантной основой для объединения различных социальных онтологий.

Ключевые слова: онтологический дискурс, экзистенциализм, коммуникативная парадигма, система, сети, симметричная онтология

Для цитирования: Мамедова Н. М. Социальная онтология: смена парадигм // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 4 (48). С. 6–16. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.1

© Мамедова Н. М., 2023

Scientific research article

UDC 101.9

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.1

**SOCIAL ONTOLOGY:
A PARADIGM CHANGE****Natalia M. Mamedova**

Plekhanov Russian University of Economics,

Moscow, Russia,

mamedova.nm@rea.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7887-8724>

Abstract. The article analyzes the heuristic potential of various paradigms of modern ontological discourse. The versatility of discourse reflects the complexity and heterogeneity of the social in various modes of its being: existential, systemic, network. The philosophy of existentialism has created a methodology for studying the unique human existence, the most adequate language for its description, introduced a new ontological reality into the philosophical discourse — the existence of a person. Communicative ontology, in which communication not only reflects and transmits information, but also actively creates and constructs reality, emerged as an interdisciplinary research project in the fields of philosophy, sociology, political science, and communication theory. A radical turn in social ontology is associated with the restructuring of social theory based on systems (N. Luhmann) and networks (B. Latour), which reflected the convergence of natural science and socio-humanitarian research programs characteristic of post-nonclassical studies. The article emphasizes that the problem of modern ontological reflection is the coordination of these paradigms. The problem lies in the unification and convergence of these approaches. On what basis is transparadigm synthesis possible in social ontology? The author believes that the complexity paradigm is a relevant basis for combining various social ontologies.

Keywords: ontological discourse, existentialism, communicative paradigm, system, networks, symmetrical ontology

For citation: Mamedova, N. M. (2023). Social ontology: a paradigm change. *MCU Journal of Philosophical sciences*, 4 (48), 6–16. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.48.4.1>

Введение

Современная социокультурная ситуация, определяемая действием разнонаправленных тенденций, в фокусе которых находятся процессы цифровизации, актуализирует проблемы социальной онтологии. Потребность осмысления сущности новой социальности связана с глубинными процессами трансформации всех подсистем общества под влиянием информационно-коммуникативных технологий [Мамедова, 2019]. Возникшая в результате виртуальная реальность образует особое пространство, которое изменяет социальное бытие. Эти изменения настолько фундаментальны, что можно говорить о становлении новой социальности — гетерогенной, вариативной,

которая не вписывается в образ мира в классической философской парадигме. Эта парадигма складывалась в эпоху Просвещения и предполагала линейное видение исторической перспективы. Рационалистическая телеология Просвещения идеалы просветительства полагала целями исторического процесса. Логоцентрический дискурс модерна не подходит для описания современной социальности [Мамедова, 2021]. Неслучайно онтологическая проблема оказывается в центре современного философского дискурса. Большинство авторов отрицает возможность и необходимость в онтологии классического типа, основанной на признании абсолютных первоначал социального бытия. Так, А. В. Барковская в статье с характерным названием «Парадигмальный статус онтологии в контексте “смерти метафизики”» пишет: «В современной философии сдвиг онтологической проблематики осуществляется в сторону попсибилизма и потенциирования, что расширяет пространство онтологии за счет актуализации массы специфических объектов, но как предметностей региональных (дисциплинарных) онтологий» [Барковская, 2019, с. 149]. В. М. Розин, также отмечая тенденцию возникновения множества социальных теорий, «отражающих разнообразие социальной жизни», ставит проблему согласования этих теорий. Предлагается в качестве одного из «планов решения этой проблемы — построение *предельной онтологии социальных наук*. Ее можно помыслить и онтологически, но лучше как методологию, обеспечивающую связь и переходы от одних частных онтологий социальных наук к другим» [Розин, 2020, с. 24–25]. Другой ракурс обсуждения онтологической проблемы связан с возникновением так называемой симметричной онтологии [Латур, 2006, 2017; Павлов, 2019; Писарев, 2020], который отражает тенденцию включения в онтологию нечеловеческих акторов как равноправных компонентов. Постнеклассический этап в развитии философии характеризуется возникновением разнообразных онтологий, которые отражают попытки осмыслить «ускользающую социальность».

Постановка проблемы

Многообразие парадигм социальной онтологии актуализирует проблему их согласования, конвергенции. На какой основе возможен транспарадигмальный синтез в социальной онтологии? Другой аспект проблемы транспарадигмального синтеза, позволяющий соединить особенности отражения многомерности социальности в разных системах координат в условиях постнеклассической науки, связан с проникновением методов естествознания в контекст социальных исследований.

Цель исследования в данной статье — проанализировать эвристический потенциал разнообразных социальных парадигм (экзистенциальной, коммуникативной, системной, сетевой) для осмысления онтологических и экзистенциальных проблем современной и будущей цивилизации. Выявить основания транспарадигмального синтеза социальной онтологии.

Предметом исследования являются экзистенциальная, коммуникативная, системная и сетевая парадигмы современного онтологического дискурса.

Методология исследования основана на концептуальном и компаративном анализе различных онтологических подходов. Принципы дополнительно и методологического плюрализма применяются для выявления оснований транспарадигмального синтеза в социальной онтологии.

Результаты исследования

Экзистенциальная философия представляет яркое проявление «постметафизического мышления» (термин введен Ю. Хабермасом). В экзистенциальной онтологии человеческого существования она становится основой для постановки проблемы бытия, представляющего сферу развертывания человеческой жизни. Аналитика бытия присутствия (Dasein) у Хайдеггера представляет фундаментальную основу онтологии. «Это сущее, которое мы сами всегда суть и которое среди прочего обладает бытийной возможностью спрашивания, терминологически схватываем как присутствие» [Хайдеггер, 2011, с. 364]. Привилегированное сущее — бытие присутствия, человеческая жизнь — способно проявлять сокровенное, имеющее смысл для человека, в котором обнаруживается подлинное бытие. Сущность человека определяется не деятельностью, не сознанием и созерцанием, а присутствием в мире. «Таким образом, аналитика Dasein не имеет ничего общего с солипсизмом или субъективизмом <...> преодолевая идею человеческого существа как субъективности сознания» [Хайдеггер, 1992, с. 84]. «Открытость» является конститутивной особенностью человеческого существования, которая определяется как самоопределение и преодоление «заброшенности» в мире, а не эссенциалистски — как данность. Бытие не сводится к субъекту или объекту, а рассматривается как взаимодействие человека с миром — «бытие-в-мире», проявляется у Хайдеггера через феноменологический анализ экзистенциалов — априорных индикаторов экзистенции. Бытие — это процесс пребывания в мире, в котором человек раскрывается и обнаруживает смысл существования. Сущность бытия в его временности и действительности.

Вопросы существования (бытия) у Ж.-П. Сартра рассматриваются в горизонте «ничто» [Сартр, 2015], перед которым находится бытие человека, перед тем, что отсутствует или не существует. Но именно в этом «ничто» человек обретает свободу как выбор в отсутствии предопределенности. В онтологии существования Сартра «ничто» — это пространство субъективной свободы, выбора самого себя, своего жизненного проекта. «Человек, прежде всего, существует, сталкивается с самим собой, обнаруживается в мире — и определяет себя впоследствии» [Сартр, 1990, с. 320–321].

Онтологизация существования и различение подлинного и неподлинного как модусов бытия — основа экзистенциальной концепции общества. Для такого

подхода характерно отсутствие противопоставления субъекта и объекта. Философия экзистенциализма создала методологию исследования уникального человеческого существования, наиболее адекватный язык его описания, ввела в философский дискурс новую онтологическую реальность — экзистенцию личности. Экзистенциалистский онтологический проект, элиминирующий социологические априорности (Г. Зиммель), является неотъемлемым компонентом философского дискурса.

Наряду с экзистенциальной онтологией значительная роль в онтологическом дискурсе современности принадлежит коммуникативной онтологии, в которой коммуникация не только отражает и передает информацию, но и активно создает и конструирует реальность. Коммуникативная онтология возникла как транспарадигмальный проект исследований в области философии, социологии, политологии, теории коммуникации. Так, Ханна Арендт [Арендт, 2000] рассматривала коммуникацию в контексте политики, полагая, что она не только передает информацию, но и формирует общественные взаимодействия и политический порядок. Мишель Фуко рассматривал связь коммуникации, власти и контроля над реальностью [Фуко, 2004]. Он анализировал, каким образом конструкции знания и языка формируют властные отношения и воздействуют на понимание мира. «Археологические» и «генеалогические» исследования М. Фуко легли в основу анализа социальной реальности с точки зрения власти дискурса, властных отношений. Онтологические проблемы представлены в контексте феноменов институционализации власти-знания. Коммуникативная онтология Юргена Хабермаса отражена в теории коммуникативного действия [Хабермас, 2006]. Он акцентирует значение коммуникации для формирования общественной реальности и достижения социального консенсуса как результат продуктивного дискурса. Межличностное общение предстает средством создания общих норм и ценностей. Коммуникация обладает проективно-конструктивным потенциалом в отношении социальной реальности. Логико-прагматическая аргументация становится средством достижения социального консенсуса, взаимной координации действий, регулируемых нормами этики дискурса.

Никлас Луман внес значительный вклад в развитие системной парадигмы коммуникации и социальности в целом. Для объяснения природы общества он использовал потенциал кибернетики, теории систем, теории эволюции и теории коммуникации. Ведущий теоретик постмодернистской социальной теории отрицает все предшествующие модели описания общества, которые, как он полагал, занимались «метафизическими» вопросами эволюции и прогресса. Отрицая центральное понятие социальной философии «общество» как расплывчатое и неопределенное, он выстраивает свою концепцию на основе принципа системности. При этом Луман расширительно интерпретирует понятие «система», полагая, что «общая теория социальных систем претендует на охват всей предметной области социологии и в этом смысле подходит на роль универсальной социологической теории» [Луман, 2007, с. 40].

Под системой Луман понимает то, что способно отделять себя от внешней среды и воспроизводить эту границу. Истолкование общества как абсолютно объективного феномена, независимого от сознания и деятельности людей, препятствует пониманию сущности социального общения, без которого невозможно само существование общества. Поэтому в концепции Лумана система коммуникации выступает фундаментом общества, определяя социальное взаимодействие; она таким образом конструирует социальность. Коммуникация — система, которая оперирует символами и информацией для создания смысла и реализации социального порядка. Она не отражает объективную реальность, а создает свою собственную реальность через согласованное взаимодействие участников. Следующим шагом в переосмыслении социальной онтологии Луманом было введение понятия самореферентной системы. Самореферентное, т. е. предполагающее включение себя в объект наблюдения. А это значит, что «систему можно назвать самореферентной, если элементы, из которых она состоит, она сама конструирует как функциональные единства и во всех отношениях между этими элементами обеспечивает ссылку на это самоконструирование, таким образом, непрерывно воспроизводя его» [Луман, 1994, с. 32, 65]. С этой точки зрения коммуникация предстает как самореферентный процесс, структурирующий социальность. Другой важный аспект трансформации теории социальности, осуществленный Н. Луманом, является введение понятия «автопоэзис». Автопоэтическая система, в понимании Лумана, — это система, которая отделяет себя от внешней среды, «определяет единство и число элементов, из которых она состоит», самоорганизуется, конструирует свое функциональное единство и осуществляет самоорганизацию. Общество как автопоэтическая система самостоятельно делает выбор из сконструированного ею же информационного пространства и таким образом осуществляет коммуникацию между различными ее элементами. В результате «на базе основного события коммуникации и с помощью ее оперативных средств социальная система конституируется как система действий» [Луман, 2007, с. 227]. Коммуникация и системность образуют ядро постмодернистской онтологии, предложенной Н. Луманом. В общем, коммуникативная онтология является результатом множества исследований и теорий, которые создают теоретико-методологическую основу анализа социальности в условиях распространения информационно-коммуникативных технологий. Важно отметить, что этот подход открывает новые возможности и перспективы в понимании социальности.

Другая попытка осмыслить социальность, при этом элиминируя классические оппозиции онтологического дискурса как атавизм субстанциализма и антропоцентризма, представлена в акторно-сетевой (АСТ) теории Бруно Латура. Она отражает идею равнозначности всех сущностей и явлений в мире, отсутствие феноменальной иерархии. В основе перестройки социальной онтологии в этой теории, как и отражено в названии, два базовых понятия: сеть и актор. Понятие «сеть» включает социальные сети, но они не имеют «никаких

привилегий». Сеть — это нити (наподобие ризомы Делеза), узлы, которые имеют столько же измерений, сколько у них соединений. Это понятие вводится Латуром для объяснения тех же социальных эффектов, которые в традиционной социологии описывают понятия «уровни», «слои», «сферы», «территории», «системы» и т. п., но имеют совершенно другую онтологию. Добавление к сети нового «онтологического ингредиента» — актора позволяет осуществить «сборку» социального, подобно «философиям, в которых порядок появляется из хаоса или беспорядка (Мишель Серр, Илья Пригожин и Изабелла Стенгерс)» [Латур, 2017, с. 174]. Актор — это не человек, самость традиционной социальной теории. Понятие «актор» включает человеческие и нечеловеческие сущности, т. е. это люди и не-люди. Причем акторы «понимаются не как фиксированные сущности, а как потоки, циркулирующие объекты, разворачивающиеся испытания» [Латур, 2017, с. 184]. Гибрид «актор-сеть», как полагает Латур, позволяет избавиться от «тирании» традиционных пространственных оппозиций: далекое – близкое, верх – низ, глобальное – локальное, — которые Латур называет аксиологическими мифами. «Вместо противопоставления индивидуального уровня массе или агентности — структуре мы просто прослеживаем, как данный элемент становится стратегическим благодаря количеству связей, которыми он управляет, и как он теряет важность, теряя эти связи. Понятие сети позволяет нам избавиться от третьей пространственной размерности — внутри/снаружи (после первых двух — далеко/близко и крупномасштабное/мелкомасштабное)» [Латур, 2017, с. 180].

Для прояснения процессов ассоциаций, «сборки» гетерогенных элементов в социальность АСТ использует инструментарий семиотики. Слабость семиотики усматривается в этом контексте как исследование только текстов, тогда как семиотика вещей распространяется на природу, технообъекты, элиминирует проблему значения и тем самым превращается в метод исследования путей конструирования социальности. «В практике АСТ область семиотики была расширена, чтобы задать совершенно пустую рамку, которая позволила следовать любым сборкам гетерогенных элементов — природных, социальных, индивидуальных, вещных... Это метод для описания развертывания ассоциаций, подобно тому как семиотика — метод описания траектории производства любого нарратива» [Латур, 2017, с. 185]. Тем самым ликвидируется различие между репрезентациями и вещами, что устраняет проблему корреляции сознания и объекта и расценивается Латуром как контркоперниковский переворот.

Латур создает симметричную онтологию, в которой все сущности (человек, природа, вещи, артефакты, животные) имеют одинаковый онтологический статус, отвергающий априорные редукции к какому-то первоначалу — природному, социальному, дискурсивному, и являются равноценными участниками социального взаимодействия. Интеллектуальные претензии АСТ приводят к отказу от бинарных оппозиций научного и философского дискурса: топологических, причина – следствие, природа – культура и т. п. Основным становится предельно общее понятие «актор», которое само по себе лишено содержания

и обретает его лишь во взаимодействии в сети с другими, такими же бессодержательными акторами. Это реляционная онтология отношений, в которой актер представлен не как устойчивая, а как становящаяся сущность по мере циркуляции в сети. Сетевые транзакции конструируют актора, отношение предшествует сущности.

Сетевое мышление АСТ предполагает использование специфических методологических и эпистемологических стратегий. Оно отказывается от любых априорных предпосылок, антиномии описания и объяснения, различения эмпирического и теоретического подходов. «Само разделение между описанием и объяснением (“как?” и “почему?”), слепым эмпиризмом и теоретизированием так же бессмысленно для АСТ, как различие между гравитацией и пространством — для теории относительности» [Латур, 2017, с. 188].

В современном интеллектуальном пространстве АСТ как неординарная философская концепция вызывает множество дискуссий и амбивалентных оценок. Например, С. С. Астахов полагает, что «сама постановка проблем выдвигает АСТ на передний край философии и эпистемологии науки». Она становится экспериментальным полем «для тестирования самых актуальных гипотез в современных социо-гуманитарных дисциплинах» [Астахов, 2017, с. 20]. Писарев же критикует АСТ, прежде всего, за отрицание редукции как базовой научной процедуры, за противостояние «как внутринаучным редуцирующим подходам, так и общему историческому режиму, легитимирующему и эти подходы, и в целом модернистское мировоззрение и практики через модернистские оппозиции» [Писарев, 2020, с. 147]. Он полагает, что наделение социального и природного одинаковым онтологическим статусом действующих равноправных агентов противоречит и здравому смыслу «значительной части населения планеты», и «здравому смыслу социальных наук» [Писарев, 2020, с. 149].

Таким образом, в современной социальной онтологии возникли разнообразные, порой дивергентные, направления исследования социальной реальности, которые отражают как субъективную, так и объективную составляющую бытия социума, и которые могут существовать в онтологическом дискурсе по принципу дополнительности. Все рассмотренные парадигмы отражают переход от логики метафизики к логике постметафизики. Проблема состоит в объединении, конвергенции этих подходов. В проекте, поддержанном грантом РФФИ¹, была выявлена фундаментальная роль социальной антропологии как основы транспарадигмального синтеза в антропологическом дискурсе. На какой основе возможно объединение парадигм в социальной онтологии? Ученые из Института философии РАН, считают, что конвергенция системного и сетевого подходов, в частности, возможна в парадигме «сложностного мышления», и это «создаст новые возможности самосогласованного конструктивного осмысления» [Сложность..., 2018, с. 36]

¹ Социальная антропология: интеграция наук». Проект РФФИ № 17-01-2039. Руководитель — Н. М. Мамедова.

проблемы НБИКС-конвергенции². Представляется, что в парадигме сложности можно также объединить различные социальные онтологии, что приведет к их синергичному взаимодействию, образует пространство смыслового обмена, создаст эвристику осмысления гетерогенной социальности.

Заключение

Подводя итоги, следует подчеркнуть плодотворность мультипарадигмального подхода к проблемам социальной онтологии в эпоху инновационных технологий. Анализ литературы свидетельствует о том, что методология социальной философии дополняется различными методами и практиками, которые активно применяются для изучения в естественно-научных исследованиях. Транспарадигмальный синтез различных социальных онтологий возможен на основе парадигмы сложности как далее нередуцируемой целостности. Синтез подходов позволяет выявить горизонт смыслов и проблематичности современной социальности.

Список источников

1. Мамедова Н. М. Информационное общество: трансгрессия социальности // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2019. № 1 (29). С. 9–14. DOI: 10.25688/2078-9238.2019.29.1.01. EDN PCKUAN.
2. Мамедова Н. М. Трансгрессия как способ бытия социальности // Личность в условиях глобальных социокультурных трансформаций цифрового информационного общества: сб. ст. по итогам Междунар. науч. конференции, Москва, 02 декабря 2020 года. М.: Русайнс, 2021. С. 7–10. EDN GQTOLR.
3. Барковская А. В. Парадигмальный статус онтологии в контексте «смерти метафизики» // Философия и социальные науки в современном мире: материалы Междунар. науч. конференции к 30-летию факультета философии и социальных наук Белорусского государственного ун-та, Минск, 26–27 сентября 2019 года. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2019. С. 144–150. EDN WCGYXF.
4. Розин В. М. Как можно помыслить социальную науку, социальную реальность и онтологию [Электронный ресурс] // Культура и искусство. 2020. № 1. С. 17–26. DOI: 10.7256/2454-0625.2020.1.32042; URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32042
5. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. № 1. С. 173–200.
6. Павлов А. В. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 27–36.
7. Писарев А. А. Сети, Плоскости, Материя: об употреблении плоских социальных онтологий // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 1 (51). С. 144–157.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академ. Проект, 2011. 503 с.

² НБИКС-конвергенция — это конвергентное развитие нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных и социогуманитарных технологий.

9. Хайдеггер М. Цолликонеровские семинары // Логос. 1992. № 3. С. 84.
10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2015. 199 с.
11. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.
12. Арендт Х. *Vita active*, или о деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
13. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004. 416 с.
14. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006. URL: https://vk.com/wall-35831937_6958
15. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 643 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/sociology/luman-soc%2Bisist_ocherk-2007-1984-a.htm
16. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 59–70. EDN VSASIT.
17. Астахов С. С. Проблема контингентности в акторно-сетевой теории: специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания»: дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 176 с. EDN ZTDRYL.
18. Сложность и проблема единства знания / В. Г. Буданов [и др.]. Т. 1. Вып. 1. М.: Российская академия наук, 2018. 105 с. ISBN 978-5-9540-0346-8. EDN YLBWDK.144–157. EDN DCYRRX.2014.

References

1. Mamedova, N. M. (2019). Information society: transgression of sociality. *Bulletin of Moscow State Pedagogical University, Series: Philosophical Sciences, 1* (29), 9–14. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2019.29.1.01>
2. Mamedova, N. M. (2021). Transgression as a way of being social. In: *Personality in the conditions of global sociocultural transformations of the digital information society*. A collection of articles based on the results of the International Scientific Conference, Moscow, December 02, 2020 (pp. 7–10). Moscow: Rusains. (In Russian).
3. Barkovskaya, A. V. (2019). Paradigmatic status of ontology in the context of the “death of metaphysics”. In: *Philosophy and social sciences in the modern world*. Materials of the International scientific conference for the 30-th anniversary of the Faculty of Philosophy and Social Sciences of the Belarusian State University, Minsk, September 26–27, 2019 (pp. 144–150). Minsk: Belarusian State University. (In Russian).
4. Rozin, V. M. (2020). How one can think about social science, social reality and ontology. *Culture and Art, 1*, 17–26. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2020.1.32042>
5. Latour, B. (2017). On actor-network theory. Some clarifications, supplemented by even greater complications. *Logos, 1*(1), 173–200. (In Russian).
6. Pavlov, A. V. (2019). Posthumanism: overcoming and legacy of postmodernism. *Questions of Philosophy, 5*(5), 27–36. (In Russian).
7. Pisarev, A. A. (2020). Networks, Planes, Matter: on the use of flat social ontologies. *Bulletin of Tver State University, Philosophy, 1* (51), 144–157. (In Russian).
8. Heidegger, M. (2003). *Being and time*. Kharkov: Folio. 503 p. (In Russian).
9. Heidegger, M. (1992). Zollikoner seminars. *Logos, 3*(3), 84. (In Russian).
10. Sartre, J.-P. (2015). *Being and nothingness: Experience of phenomenological ontology*. Moscow: AST. 199 p. (In Russian).

11. Sartre, J.-P. (1990). Existentialism is humanism. *Twilight of the Gods* (pp. 319–344). Moscow: Politizdat. (In Russian).
12. Arendt, H. (2000). *Vita active, or about active life*. St. Petersburg: Aletheia. 437 p. (In Russian).
13. Foucault, M. (2004). *Archeology of knowledge*. St. Petersburg: Humanitarian Academy; University book. 416 p. (In Russian).
14. Habermas, Yu. (2001). *Moral consciousness and communicative action*. St. Petersburg: Science. 392 p. (In Russian).
15. Luhmann, N. (2007). *Social systems. Essay on general theory*. St. Petersburg: Nauka. 643 p. (In Russian).
16. Arshinov, V. I., & Budanov, V. G. (2016). The paradigm of complexity and socio-humanitarian projections of convergent technologies. *Questions of Philosophy*, (1), 59–70. (In Russian).
17. Astakhov, S. S. (2017). The problem of contingency in actor-network theory: specialty 09.00.01 “Ontology and theory of knowledge”. *Dissertation of Candidate of Philosophical Sciences*. Moscow. 176 p. (In Russian).
18. Budanov, V. G., Arshinov, V. I., Lepsky, V. E., & Svirsky, Ya. I. (2018). *Complexity and the problem of the unity of knowledge, vol. 1*, iss. 1. Moscow: Russian Academy of Sciences. 105 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Мамедова Наталия Михайловна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Mamedova Natalia Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economic, Moscow, Russia.

mamedova.nm@rea.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7887-8724>

Аналитическая статья

УДК 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Васильев В. В.

Самарский филиал МГПУ,

Самара, Россия,

Vasilev-429@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0643-8911>

Аннотация. В статье анализируется влияние политической истории на специфические черты и особенности феномена социальной неопределенности. В статье отмечается, что одной из ключевых характеристик современной политической истории становятся меняющиеся трактовки форм, характера и выявленных закономерностей взаимоотношений политических субъектов, которые оказывают непосредственное влияние на неопределенное состояние общества. Автор подчеркивает, что возрастающий нелинейный характер политических изменений в условиях сложной современности неоднозначно детерминирует общественно-политическое развитие. Констатируется, что динамика трактовок политической истории чаще всего происходит в переломные трансформационные периоды развития общества. В контексте анализа изменений доминирующих политических концепций приводятся варианты трансформирования поля политической истории, позволяющие сделать вывод о том, что они детерминируют уровень неопределенности в обществе. Рассматриваются сферы политического, социально-экономического и культурного управления, социальной-психологии, семантики, аксиологии подверженные влиянию изменений политической истории. Отмечается объективный характер развития историко-политической проблематики. Делается вывод о том, что политическая история в качестве фактора стабильности, влияющего на политическую, социально-экономическую, культурную сферы общества не может обеспечить снижение социальной неопределенности.

Ключевые слова: социальная неопределенность, политическая история, трансформация, нелинейный характер, политическое управление, социальная психология, социальная структура

Для цитирования: Васильев В. В. Политическая история и феномен социальной неопределенности // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 4 (48). С. 17–27. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.2

Analytical article

UDC 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.2

**POLITICAL HISTORY AND THE PHENOMENON
OF SOCIAL UNCERTAINTY****Vladimir V. Vasiliev**

Samara Branch of Moscow City University,

Samara, Russia,

Vasilev-429@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0643-8911>

Abstract. The article analyzes the influence of political history on the specific features and characteristics of the phenomenon of social uncertainty. The article notes that one of the key characteristics of modern political history is the changing interpretation of the forms, nature and identified patterns of relationships between political subjects, which have a direct impact on the uncertain state of society. The author emphasizes that the increasing nonlinear nature of political changes in the conditions of complex modernity ambiguously determines socio-political development. It is stated that the dynamics of interpretations of political history most often occur during critical transformation periods in the development of society. In the context of analyzing changes in dominant political concepts, options for transforming the field of political history are presented, allowing us to conclude that they determine the level of uncertainty in society. The areas of political, socio-economic and cultural management, social psychology, semantics, and axiology influenced by changes in political history are considered. The objective nature of changes in historical and political issues is noted. It is concluded that political history as a factor of stability influencing the political, socio-economic, and cultural spheres of society cannot ensure a reduction in social uncertainty.

Keywords: social uncertainty, political history, transformation, non-linear character, political management, social psychology, social structure

For citation: Vasiliev, V. V. (2023). Political history and the phenomenon of social uncertainty. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (48), 17–27. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.48.4.2>

Введение

Политическая история и ее трактовка является неотъемлемой и наиболее актуальной частью современного исторического и социально-философского дискурса. Анализ политических процессов, даже при учете стремительного усложнения взаимосвязей и увеличения количества акторов социально-политических отношений, имеет прежде всего мировоззренческую и прогностическую ценность (сформировать отношение к уже совершившимся событиям и представить возможные варианты будущих событий). Подобное предвидение и накопленный исторический опыт наиболее

эффективных административных практик должны в идеальном варианте позволить избежать многочисленных проблем социально-политического и экономического характера. Напротив, несоответствующие управленческие решения и действия в политическом пространстве могут приводить к неопределенности оценок и поведения субъектов, что выразится в неспособности адекватного осмысления идентичности как на личностном, так и на национальном уровне.

Предметом исследования в данной статье является феномен социальной неопределенности, его взаимообусловленность и связь с политической историей, а также актуальные трактовки особенностей политической истории.

Методологией выступает системный подход, универсальные методологические процедуры редукции, репрезентации и интерпретации, а также компаративистский анализ феномена социальной неопределенности. В анализе феномена социальной неопределенности также использовался принцип социокультурной детерминации явления, позволивший рассматривать феномен социальной неопределенности в политическом контексте.

Результаты исследования

Динамика концептуальных подходов в изучении политической истории приводит к тому, что идеальный вариант взаимодействия политической истории и практики труднодостижим, но стремление к нему, на наш взгляд, должно учитывать несколько условий. Во-первых, это максимальная достоверность используемых фактов и информации. Вторым условием становится баланс в изучении социально-экономической и политической истории. Зачастую политическая история игнорировала экономические реалии и социальное окружение, а иногда чрезмерное внимание к социальным процессам приводило к искаженному пониманию динамики исторических изменений. Таким образом, по мнению О. Г. Зубовой и И. В. Лебедевой, отрефлексированный образ прошлого «способствует процессу интеграции, преодоления кризиса идентичности, массовых фобий общественного сознания, заполнения идеологического пространства новой национальной идеологией, поддерживающей легитимность власти и ставшей опорой для поддержания собственной культуры» [Зубова, Лебедева, 2012, с. 238].

Важно подчеркнуть, что изменения поля политической истории, определяемые интеллектуальной и политической элитой как наиболее активный актор социально-политических отношений, не всегда преследует цель повышения эффективности социального управления. В стремлении к сохранению своих позиций авторы современных политологических концепций и шаблонов конструируют соответствующий им комплекс тех или иных исторических процессов, событий и фактов.

Учитывая вышесказанное, обращает на себя внимание одна из ключевых характеристик современной политической истории — меняющиеся трактовки

форм, характера и выявленных закономерностей взаимоотношений политических субъектов, которые оказывают непосредственное влияние на неопределенное состояние общества.

Широкое теоретическое осмысление политической истории и максимальное расширение поля исследований связаны со стремлением политиков и историков, социологов и философов, с одной стороны, выявить определенные закономерности и показать недостатки общественного развития, а с другой — создать теории, на основе которых возможно изменить устоявшиеся социальные порядки. Преимущественно в их основе лежала убежденность в созидательных возможностях человека, политических организаций и социальных групп, в необходимости совершенствования мира.

Отказ от упрощенного материализма в исследовании политической истории, выразившийся в признании альтернативности общественного развития и осознании сложных, нелинейных взаимосвязей между сферами общественной жизни, стал результатом активного распространения и использования целого спектра научных методов: системного, психологического, политико-географического, дедуктивного, метода исторического институционализма, — что обуславливает методологический плюрализм и возможность смены парадигм общественного развития.

Постоянно возрастающий нелинейный характер политических изменений в условиях сложной современности неоднозначно детерминировал общественно-политическое развитие. Социальный прогресс может сменяться социальной дезинтеграцией, демократические общества — трансформироваться в авторитарные. Все это оказывает влияние на концепции политической истории, призванные объяснить возникшие девиации, отличие полученного результата от заявленной цели, заставляет пересматривать созданную, логически стройную и существующую определенное время концепцию, «пересобрать» исторические события и их оценку.

Исходя из этого, динамика трактовок политической истории чаще всего происходит в переломные трансформационные периоды развития общества и основана на идеологическом концепте «от противного». Примерами могут быть противопоставления:

- одного исторического периода или нескольких периодов настоящему;
- мировоззрения восточной соборности и традиционности русоцентричности, индивидуализму и либерализму западничества;
- типологий общественного развития: циклическое — прогрессирующее (регрессирующее), реформы — революции, модернизация — архаизация;
- оценки деятельности политиков: критичность (неконструктивные и нецелесообразные) — лояльность (оправданность действий и легитимация политического курса).

Каждый элемент этих бинарных сравнений постулируется элитой и внедряется в сознание масс как отличное в лучшую сторону, более перспективное и правильное социальное бытие, подкрепляемое соответствующими

системами идей, ценностями, историческими фактами. А. В. Баранов отмечает, что «обострилась проблема познавательной ценности привычных категорий и терминов, характеризующих смысл и траекторию политического развития» [Баранов, 2014, с. 295].

Таким образом, можно сделать вывод, что социально-политические факторы, а также когнитивные, методологические, концептуальные, социально-коммуникативные и культурные возможности оказывают влияние на изменения в трактовках событий общественной и политической жизни, связанных с функционированием государства.

Трансформирование поля политической истории может выражаться как в количественных характеристиках (сужение или расширение предмета изучения, объема исторического материала, акцентирование внимания на ограниченном спектре исторических событий), так и в качественных (идеологическая оценка, конкретизация трактовок, интерпретация исторического материала в соответствии с доминирующими историческими концепциями или в отсутствии четких методологических и идеологических принципов). Так, например, глобальный процесс демократизации обществ, начавшийся во второй половине XX века, может рассматриваться как фактор, существенно повлиявший на расширение поля политической истории за счет включения в сферу внимания большего количества аспектов социальных отношений. Публичная политика, расширение прав и свобод человека, совершенствование избирательного законодательства, доступность высшего образования и т. д. привели к тому, что в сферу интереса политической истории, помимо важнейших государственных событий и политических деятелей, начинают попадать исторические факты и процессы более широкого спектра, участниками которых становятся отдельные социальные группы, политические партии, неформальные и виртуальные объединения, деятели культуры и лидеры общественного мнения, блогеры и т. д. Особенно важно, что критика традиционных устоявшихся взглядов на государство способствовала возникновению различных трактовок политических событий и способов осуществления политики.

Напротив, стабилизирующие историческое поле традиционалистские консервативные теории опираются на концептуальную безальтернативность и мемориализацию исторических событий. В интересах тех или иных политических сил, стремящихся к повышению управляемости и минимизации социальных рисков, основной упор делался на вертикальные межпоколенческие коммуникации. С помощью системы образования и воспитания, кино и театра, художественной литературы и СМИ спектр используемых исторических фактов существенно ограничивался, исторические образы мифологизировались, а концептуальные теории упрощались в соответствии с официальной идеологией.

Следствием рассмотренных вариантов изменений интерпретации истории политических процессов выступает социальная неопределенность, затрагивающая самый широкий спектр общественных отношений. Данный феномен может актуализироваться на различных уровнях социальной реальности.

Возникшие в силу различности понимания трактовки актуальных проблем политической истории вызывают неясность и неопределенность в сфере политического управления. Архаичность административных методов, потеря руководителями четких целей и ориентиров при выполнении своих функций, неэффективность и рассогласованность действий подчиненных — вот далеко не полный перечень проявления неопределенности властных структур, влияющих на авторитет политического представительства и способность соответствующих институтов адекватно отвечать на кризисы общественного развития.

На социально-психологическом уровне изменение поля политической истории в пределах близких возрастных групп вызывает проблемы межличностных и межгрупповых отношений, нарушает связи между поколениями, провоцирует кризис идентичности, что может выражаться в потере человеком своей субъектности, доминировании виртуальной реальности, девиантных форм поведения и т. д.

Динамика политической истории влияет на семантическую изменчивость в актуальных для государства трактовках политического дискурса. Лексические трансформации под влиянием конкретных ситуаций, создание экспертами, а также лидерами общественного мнения неолексем для характеристики актуальных исторических явлений можно рассматривать как приемы манипуляций, попытки целенаправленного изменения в негативном или, напротив, положительном ключе того или иного социально-политического явления. Подобная политическая коммуникация трансформирует общественное сознание не всегда в ключе интеграции и мобилизации по причине смысловой неопределенности, возникающей в процессе субъективного декодирования адресатом историзмов, идеологием и политемом. Н. А. Резникова подчеркивает, что «политическая терминология обладает рядом характерных только для нее черт. Во-первых, это расплывчатость, неточность наименования, во-вторых, неоднозначное эмоционально-оценочное отношение носителей языка к политическим терминам» [Резникова, 2005, с. 50].

На аксиологическом уровне дискретность механизма политической и историко-культурной преемственности обуславливает неопределенность социально значимого поведения и правил, разрушение социальных институтов и замену их новыми, актуализацию неформальных институтов. Сужаются или вовсе исчезают прежние роли, статусы, соответствующие социальные ниши, при этом появляются новые. Ценности, нормы, укоренившиеся символы подвергаются неопределенной трансформации или вовсе исчезают, аномия становится нормой современной социальной действительности. А. В. Жукоцкая констатирует, что «насильственное изъятие элементов прошлого приводит к нарушению всей познавательной системы, своеобразием которой является смешение исторически различных способов мышления» [Жукоцкая, 2009, с. 14]. Культурные коды, сформировавшиеся в прошлом, перестают влиять на настоящее, что приводит к культурной неопределенности.

Снятие подобных негативных форм проявлений социальной неопределенности возможно, но процесс преодоления аксиологического дисхроноза

социального пространства и времени может занять достаточно длительный период (несколько поколений). Помимо этого, форсированное формирование ценностей и норм потребует селективного вовлечения в ряды политической и интеллектуальной элиты субъектов, однородность ценностных ориентиров которых будет соответствовать изменившимся политическим трактовкам. Подобная селекция может привести к еще большей социальной дезинтеграции.

На наш взгляд, следует констатировать определенную зависимость в качественных характеристиках ценностей и норм. Она выражается в том, что стабильность трактовок политической истории приводит к формированию и распространению норм универсального характера. Напротив, идеологизация событий прошлого, их переосмысление в угоду современным внешним или внутренним вызовам значительно радикализируют ментальные установки, общественно-политические идеалы и символы.

Как отмечалось выше, политическая история, обращая внимание на наиболее эффективные и признанные способы диалога власти и общества прошлого, использует их в настоящем, оказывая влияние на массовое сознание, обуславливая поведение людей в повседневной жизни, социально-экономической и политической сферах.

Очевидно, что в первую очередь именно принятие политических решений, реформирование политической структуры (возрождение или копирование институтов власти в соответствии с установками), создание или актуализация политических мифов, образов, традиций, изменение политического языка становятся результатом историко-политической рефлексии.

Наряду с этим, деятельность государственных институтов в области социально-экономической политики также подвергается изменениям, обусловливаемым обращением к актуализируемым политическим событиям прошлого. С одной стороны, современные экономические проблемы могут объясняться просчетами или целенаправленными действиями предыдущих правительств, а с другой — способами решения этих проблем становятся экономические принципы и способы, реализованные в идеализируемый исторический период (рыночные отношения и развитие капитализма второй половины XIX – начала XX веков, государственное регулирование экономики в советский период). Те же тенденции реализуются и в социальной политике, образовании, культуре, регулировании деятельности СМИ. Корректировкам подвергаются как их структуры (появление новых или возрождение прежних форм образовательных и социальных учреждений, организаций, выполняющих идеологические и воспитательные функции, телевизионных и радио-каналов, информационных ресурсов и социальных сетей в Интернете и т. д.), так и содержание (новые образовательные предметы, учебные программы и УМК, корректировка объемов и содержания уже существующих, способы подачи информации, эволюция законодательства о СМИ, культура политической дискуссии и т. д.).

Пропагандирование истории государственных институтов преследует еще одну важную цель, показать, что именно формализованные социальные

отношения (обладающие большими ресурсами — организационными, экономическими, нормативными) наиболее эффективны для преодоления неопределенности, тогда как стихийные личные инициативы и общественные движения не достигали поставленных целей. Именно поэтому мы наблюдаем максимально быструю институализацию большинства популярных частных инициатив.

Политическая история формирует психологическое состояние общества, влияет на общественное сознание благодаря таким динамичным компонентам, как массовые мнения и настроения, повседневное поведение людей: открытость к общению, соблюдение норм, доверие институтам управления, участие в общественных организациях и самоуправлении, религиозной жизни, потребительское поведение, способы проведения досуга, брачно-семейные отношения.

Подобная деятельность опирается на готовые шаблоны и упрощенные формулировки, для которых используются безоценочные, однозначные высказывания исторических деятелей и их упрощенные образы в искусстве, обращение к мемориальным датам различного масштаба и уровня, коллективная память, формирование исторических мифов и т. д. В результате изменений в общественном сознании могут длительное время формироваться многочисленные лексические и поведенческие шаблоны, социальные идентичности, которые в итоге при различных обстоятельствах станут выполнять как объединительные, так и дезинтегрирующие функции.

Необходимо также подчеркнуть зависимость степени влияния политической истории и ее трактовок на общественное сознание и поведение от социально-экономического и культурного уровня развития того или государства или региона, а также уровня образования и вовлеченности в общественно-политическую жизнь его населения.

Безусловно, основным объективным содержанием политической истории любого государства становятся глобальные социально-политические события, экономические и культурные достижения, массовые общественные движения, мировые и локальные военные конфликты, миграции и т. д. Принципиальная отличительная черта, характеризующая водораздел объективного и субъективного в политической истории заключается в том, что ставится на первое место: историческое событие (событие политической истории) или политический дискурс (в самом широком смысле). При этом все чаще предпринимаются попытки рассматривать сложные и знаковые события прошлого через призму современных политических задач и проблем. Это становится возможным благодаря тому, что государственные органы или политические силы (партии, движения) обладают технологиями и средствами манипулирования массами (влияния на массовое сознание), а также создания идентичностей в соответствии с их целями (казачество, представители молодежных движений и общественных организаций, профессиональные структуры и т. д.). Политический потенциал «народа» реализуется за счет таких средств, как СМИ, визуальных и интерактивных средств, общественных собраний, художественных и музыкальных произведений, таким

образом формируются интерактивные отношения между политикой и людьми. А. С. Табачков отмечает: «Событие ныне скорее провоцируется — как некая иллюстрация в череде заранее предуготовленных медийных и политических презентаций, проводимых с целью реализации некой “повестки дня”, некой очередной своекорыстной программы людей власти» [Табачков, 2014, с. 43].

Политические элиты нуждаются в поддержке и сплочении всего общества, различных социальных, религиозных и этнических групп, обеспечивающих общественную мобилизацию. Образы врага или союзника влияют на разработки концепций политической истории. Различные исторические школы и ученые напрямую воспроизводят политический дискурс руководства отдельных государств. О. Г. Зубова и И. В. Лебедева констатируют, что «наша история становится не полем научного дискурса, а механизмом для современных идеологических и политических манипуляций» [Зубова, Лебедева, 2012, с. 238]. Таким образом, политическая конъюнктура обуславливает своеобразное препарирование истории в пользу определенных политических сил. Научная и учебная литература, мемориальные проекты, образовательные программы создают требуемый общественно-политический дискурс, определенный набор образов и распространяют их. При этом следует отметить, что зачастую авторы историко-политических концепций в целях достижения большей социальной определенности невольно или целенаправленно излишне упрощают и схематизируют обусловленность исторических событий. По нашему мнению, подобная нерелексивность в экстраполяции свершившихся исторических событий к современным условиям только увеличит социальную неопределенность.

Наряду с этим, информационная эпоха, сопровождаемая таким негативными трендами, как приоритет информации над знанием, описательность, повышение роли сетевых сообществ как нового способа политической коммуникации, снижение роли этических регуляторов и т. д., становится объективным фактором изменения поля политической истории. Государство, используя тот или иной исторический контент, артефакт или историческую личность, может столкнуться с их неоднозначной оценкой или восприятием в обществе.

Таким образом, изменение историко-политической проблематики подвержено естественному, объективному развитию, как под воздействием политических трансформаций, так и вследствие собственной логики развития науки.

Заключение

Исходя из вышесказанного, еще раз подчеркнем, что политическая история в определенные исторические периоды выступает в качестве средства общественно-политического регулирования, обеспечивающего достижение целей, когда специально созданные институты не дают должного управленческого эффекта. При этом немаловажно, что внимание к политической истории ее меняющимся концепциям и трактовкам должна обеспечиваться серьезной

философской, методологической и идеологической базой (диалектика, марксизм, либерализм, цивилизационный, теологический подходы и т. д.). Построение историко-политических концепций по принципу «от противного» может быть подвержено всесторонней критике, в том числе и по причине открытости информационного пространства, возможности обращения к самым современным методологиям изучения истории, научным школам и т. д., для которых упрощенные трактовки политической истории станут объектом критики.

Помимо этого, созданные и распространенные концепции политической истории нельзя монополизировать для использования только политической элитой, что может создать трудности, когда при меняющейся политической конъюнктуре сознание масс будет активно транслировать уже укоренившиеся исторические штампы и установки.

Таким образом, политическая история на какое-то время может стать фактором в формировании устойчивого образа прошлого в общественном сознании, активизировать интегративную функцию и создать первоначальную основу для построения объединяющей национальной идеологии. Но, являясь в настоящее время лишь одним из многих способов понимания прошлого, предмета разнообразного и динамичного, политическая история в качестве фактора стабильности, влияющего на политическую, социально-экономическую, культурную сферы общества, не может обеспечить искомое снижение социальной неопределенности.

Список источников

1. Зубова О. Г., Лебедева И. В. Фальсификация исторического прошлого как манипулятивная технология разрушения будущего // Гуманитарные исследования. 2012. № 4 (44). С. 237–244.
2. Баранов А. В. История и политическая наука: возможности междисциплинарного синтеза в изучении цивилизаций // Метод. 2014. № 4. С. 290–299.
3. Резникова Н. А. Семантический анализ политической лексики // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 4 (49). С. 49–54.
4. Жукоцкая А. В. Идеология: фобии и ожидания // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 3 (43). С. 17–28. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.2
5. Табачков А. С. Информационное общество в контексте истории // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 37–45.

References

1. Zubova, O. G., & Lebedeva, I. V. (2012). Falsification of the historical past as a manipulative technology for destroying the future. *Humanitarian Research*, 4 (44), 237–244. (In Russian).
2. Baranov, A. V. (2014). History and political science: possibilities of interdisciplinary synthesis in the study of civilizations. *Method*, (4), 290–299. (In Russian).
3. Reznikova, N. A. (2005). Semantic analysis of political vocabulary. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 4 (49), 49–54. (In Russian).

4. Zhukotskaya, A. V. (2022). Ideology: phobias and expectations. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (43), 17–28. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.43.3.2>
5. Tabachkov, A. S. (2014) Information society in the context of history. *Questions of Philosophy*, (10), 37–45. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Васильев Владимир Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения, декан факультета педагогики и психологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета, Самара, Россия.

Vasiliev Vladimir Viktorovich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, International Law and Foreign Regional Studies, Dean of the Faculty of Pedagogy and Psychology, Samara Branch of Moscow City University, Samara, Russia.

Vasilev-429@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0643-8911>

Аналитическая статья

УДК 130

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.3

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБЪЯСНЕНИЮ ПРИЧИН И ФАКТОРОВ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Борзова Е. П.

Санкт-Петербургский реставрационно-строительный институт,

Санкт-Петербург, Россия,

borzova_01@mail.ru

Ковалев А. А.

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС,

Санкт-Петербург, Россия,

kovalev-aa@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Аннотация. Тема международных конфликтов никогда не теряла актуальности по причине своей неисчерпаемости и естественности собственной природы. Однако изменение направленности развития международных отношений, их акторов, способов достижения целей меняют и характер международных конфликтов как неотъемлемой части всей системы международных отношений на современном этапе развития. Исторически обусловленное противостояние между Россией и Западом вышло на новый уровень в XXI веке, который требует научного и философского осмысления и обоснования. Цель исследования — изучить теоретические аспекты к объяснению и пониманию причин и ключевых факторов современных международных конфликтов. Работа основана на подходе, опирающемся на позицию стратегического исследования, основной особенностью которого является возможность и необходимость объединить теоретические исследования с практикой международного конфликта с тем, чтобы выработать значимый вариант выхода (или смягчения) из конфликта. В настоящем исследовании приведены ключевые подходы, раскрывающие причины и основополагающие факторы современных международных конфликтов. Среди них политико-системный, геополитический подходы, демографическая теория и многие другие. Полученные результаты систематизируют большой массив разрозненных данных по рассматриваемой проблематике, поэтому могут стать основой для теоретического знания о причинах современных международных конфликтов. Также сделанные выводы позволят обогатить практику разрешения конфликтов международного масштаба и недопущения их эскалации в будущем.

Ключевые слова: международные отношения, философия войны, теория международных конфликтов, противостояние, столкновение интересов

Для цитирования: Борзова Е. П., Ковалев А. А. Теоретические подходы к объяснению причин и факторов современных международных конфликтов // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 4 (48). С. 28–46. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.3

Analytical article

UDC 130

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.3

THEORETICAL APPROACHES TO EXPLAINING THE CAUSES AND FACTORS OF MODERN INTERNATIONAL CONFLICTS

Elena P. Borzova

St. Petersburg Restoration and Construction Institute,
St. Petersburg, Russia,
borzova_01@mail.ru

Andrey A. Kovalev

Northwestern Institute of Management — branch of RANEPА,
St. Petersburg, Russia,
kovalev-aa@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Abstract. The topic of international conflicts has never lost its relevance due to its inexhaustibility and naturalness of its own nature. However, a change in the direction of development of international relations, their actors, ways to achieve goals also change the nature of international conflicts as an integral part of the entire system of international relations at the present stage of development. The historically conditioned confrontation between Russia and the West has reached a new level in the 21st century, which requires scientific and philosophical understanding and justification. The purpose of the study is to study the theoretical aspects of explaining and understanding the causes and key factors of modern international conflicts. The work is based on an approach based on the position of strategic research, the main feature of which is the possibility and necessity to combine theoretical research with the practice of international conflict in order to develop a meaningful way out (or mitigation) of the conflict. This study presents key approaches that reveal the causes and underlying factors of modern international conflicts. Among them are political-systemic, geopolitical approaches, demographic theory and many others. The results obtained systematize a large array of disparate data on the issues under consideration, therefore, they can become the basis for theoretical knowledge about the causes of modern international conflicts. Also, the conclusions drawn will enrich the practice of resolving international conflicts and preventing their escalation in the future.

Keywords: international relations, philosophy of war, theory of international conflicts, confrontation, clash of interests

For citation: Borzova, E. P., & Kovalev, A. A. (2023). Theoretical approaches to explaining the causes and factors of modern international conflicts. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (48), 28–46. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.48.4.3>

Введение

Уровень конфликтогенности в современных международных отношениях значительно возрос по причине возникновения и нарастания определенных факторов и тенденций, которые влияют на международные конфликты и определяют их направленность и исход. Поэтому в данной статье обратимся к одной из самых важных и актуальных для современной политической и геополитической реальности проблем — к международным конфликтам. Стоит отметить, что ряд таких конфликтов возникает по естественным причинам, некоторые создаются искусственно.

В научной литературе по международным конфликтам и их различным измерениям можно выделить следующие три основных аспекта такого рода конфликтов, которые определяют его природу: 1) наличие противоречий между сторонами конфликта, выливающихся в столкновение; 2) позиции сторон конфликта и зависимость его исхода от конкретных личностей; 3) сложность по многим параметрам такого явления, как международный конфликт, например это касается классового неравенства, о котором писал еще В. И. Ленин [Ленин, 1969, с. 343].

Международные конфликты изучаются с тех самых времен, когда в мире начали формироваться первые государства. То есть этот процесс длится уже много веков, в котором тем не менее наблюдается определенная преемственность. Так, вопросами войны и мира, миротворчества занимаются такие ученые, как В. Е. Журавлев [Журавлев, 2021, с. 86], М. Калдор [Калдор, 2019, с. 3; Kaldor, 1999, p. 69], А. Д. Кокшаров и Е. А. Литинская [Кокшаров, Литинская, 2020, с. 53], В. А. Ксенофонтов [Ксенофонтов, 2020, с. 40], А. С. Луньков [Луньков, 2017, с. 77–78], А. В. Соловьев [Соловьев, 2020, с. 22] и др. Международные конфликты в тех или иных проявлениях изучаются такими исследователями, как Д. Дэвис и А. Перейра [Davis, Pereira, 2003, p. 82], П. А. Цыганков [Цыганков, 2017] и мн. др.

Методология

Цель исследования — изучить теоретические аспекты к объяснению и пониманию причин и ключевых факторов современных международных конфликтов.

Задачи были сформулированы на основе поставленной цели и включают в себя:

- 1) рассмотрение международного конфликта с позиции философии войны и выделение его основных характеристик;
- 2) анализ основных факторов и тенденций, раскрывающих международный конфликт как закономерное и неизбежное проявление всей системы международных отношений.

Предметом настоящего исследования выступает теоретическое рассмотрение тех факторов, которые определяют характер международных конфликтов, создают их основу и могут рассматриваться в качестве их причин. В работе

рассмотрены теоретические подходы влияния различных факторов на возникновение и протекание международных конфликтов.

При этом в целом работа основана на подходе, опирающемся на позицию стратегического исследования, основной особенностью которого является возможность и необходимость объединить теоретические исследования с практикой международного конфликта с тем, чтобы выработать значимый вариант выхода (или смягчения) из конфликта. Исследование опирается на суждение о том, что современные государства привержены модели приоритета государственного суверенитета в области международного взаимодействия, настроены по большей части на мирные способы разрешения различного рода противоречий и поиски возможностей избежать вооруженного противостояния.

Результаты исследования

Конфликт как феномен человеческой жизнедеятельности имеет междисциплинарный характер. Конфликт является предметом научного и философского осмысления с древних времен. Его природа, сущность, функции изучались на каждом этапе развития человечества. На сегодняшний момент исследователи сходятся во мнении, что конфликт является неизбежным (естественным) феноменом межличностного, межгруппового и межгосударственного взаимодействия, а его функции можно разделить на позитивные и негативные [Саломатшоева, 2022, с. 19].

Это присуще и международным конфликтам. Так, под международным конфликтом подразумевается столкновение интересов международных акторов, отстаивание и защита которых приводит к взаимным претензиям, приводящим в крайней степени обострения к войне.

Для современной России эта тема становится особо актуальной, так как исторически обусловленные противоречия в связке «Россия – Запад» на настоящем этапе развития международных отношений ставят под угрозу само существование нашего государства не столько в физическом, сколько в экзистенциальном и ментальном смысле [Зонова, Джаннотти, 2020, с. 31–33]. Пример данного международного конфликта, длительного во времени и принципиального по идеологической наполненности, демонстрирует бесконечные возможности и направления развития как самого конфликта, так и способов его ведения (санкционная война, культура отмены, заморозка счетов и пр.).

Таким образом, в XXI веке, когда границы международного конфликта, и особенно крайнего его проявления в форме войны, размывы и неконкретны, научные поиски в данном направлении как никогда актуальны и востребованы. Именно поэтому для исследователей данной темы важно сформировать современный дискурс в контексте философии войны. Попытки это сделать предпринимаются постоянно. Так, исследователи исходят из того, что современное понимание войны как крайней степени обострения международного

конфликта опирается на относительно понятные и научно обоснованные явления информационной войны, прокси-войны, кибервойны, психологической войны, новой холодной войны [Лукин, Хайрулин, 2022, с. 30]. При этом также подчеркивается необходимость преемственности прошлых дискурсов (философского наследия) для обеспечения непрерывности и объективности полученного нового знания.

Итак, необходимо рассмотреть ряд подходов и теоретических предпосылок, которые пытаются объяснить феномен современного международного конфликта как закономерного аспекта международных отношений. Таким образом, были выделены следующие факторы и тенденции, влияющие на международный конфликт, согласно обозначенным теориям и подходам.

Психологический фактор занимает видное место в различных исследованиях, посвященных анализу и трактовке феномена международного конфликта. Среди наиболее важных из психологических объяснений можно выделить в следующие четыре направления.

Первое направление связывает агрессивную тенденцию с самой человеческой природой. Среди наиболее ярких сторонников этого подхода можно назвать врача, психолога и философа Зигмунда Фрейда и американского политолога, специалиста в области международных отношений, профессора Кеннета Нила Уолтца. В этой связи Фрейд утверждал, что «мотивы процесса конфликта и борьбы обусловлены инстинктом любви к господству и контролю, а также мотивом мести, экспансии и риска» [Фрейд, 2007, с. 358]. Конфликты и войны, согласно концепции Фрейда, вызваны, с одной стороны, «чувством эгоизма и человеческой глупости», а с другой — «неправильным направлением агрессивных тенденций». За исключением второстепенных факторов, причины конфликтов следует рассматривать только в свете этой фундаментальной психологической истины, убежден профессор Уолтц [Waltz, 2010, p. 116], разделявший большинство идей Фрейда.

Вторая тенденция представляет собой так называемую теорию неудачи или разочарования. Суть ее заключается в том, чтобы рассматривать конфликт как результат фактора фрустрации и его влияния в кризисных условиях, испытываемых участвующими сторонами, особенно когда их планы терпят неудачу. Одним из наиболее ярких сторонников этого направления является философ и психолог Эрих Фромм. Интерпретируя конфликт, он говорит, что «насилие и стремление к разрушению — это автоматический и неизбежный результат отчаяния, вызванного травмой разочарования в своих надеждах и стремлениях по той или иной причине» [Фромм, 2010, с. 37].

Тенденция трактовать конфликт как результат факторов неудачи и фрустрации вызвала разумную критику, которая заключалась в указании на отсутствие объективности этой идеи, поскольку большинство агрессивных стран в истории не были бедными, напротив, порой самыми богатыми и обеспеченными державами, и поэтому ориентация только на фрустрацию как движущую силу международных конфликтов не уместна.

Третья тенденция объясняет феномен конфликта на основе существования так называемой агрессивной национальной психологии, или агрессивного характера отдельных национальностей, воспринимаемых таким образом теми, кто называет эту тенденцию главной движущей силой конфликтов и международных войн. Данная тенденция рассматривает «необходимость противостояния и осады этих стран как эффективное средство предотвращения самого начала войны» [Чернобровкин, 2004, с. 89]. Здесь примером могут служить США. При этом агрессивность — это нечто, что можно понимать как любой вызов установленному и поддерживаемому большинством государств порядку.

Четвертой тенденцией являются национальные убеждения как причина конфликта. Указанная тенденция основана на различии между паттернами национальных убеждений и их отношением к явлению международного конфликта. Национальные убеждения в основном базируются на заблуждениях и ошибках из прошлой истории страны.

Основоположники *идеологического подхода* считают, что идеологические противоречия между великими державами стоят за международными конфликтами. Как справедливо отмечает доктор исторических наук, профессор К. С. Гаджиев, «все войны носят идеологический характер в том смысле, что каждая из вовлеченных в нее сторон так или иначе посягает на образ жизни и систему ценностей своего противника» [Гаджиев, 1999, с. 454–455]. Сторонники этого подхода, в частности, ориентируются на марксизм и считают идеологический конфликт более опасным по своему содержанию по сравнению с другими международными конфликтами, известными в истории.

Этот подход направлен на то, чтобы, с одной стороны, явственно продемонстрировать мощь государства, а с другой — доказать опасность идеологического конфликта. В этой связи идеологический подход к феномену конфликта, особенно на международном уровне, основывается на идейных противоречиях между государствами. Война сторонниками этого подхода рассматривается как пиковая точка в протекании любого конфликта, основанного на идеологических противоречиях [Горбунов, 2012, с. 29; Lukin, 2018, p. 5]. Правильное понимание масштабов идеологического конфликта может быть достигнуто только через классовую классификацию его сторон, а также через определение взаимоотношений классовых сил, и таким образом определяет мотивы конфликта — с одной стороны.

С другой стороны, возникновение конфликта в соответствии с этим подходом является результатом противоречий в базисных идеологических представлениях и связанных с ними результатах, которые делают невозможным разрешение этих конфликтов посредством переговорного процесса. Еще сложнее обстоит дело, когда речь идет о конфликте интересов, связанном с расхождением идеологических представлений между сторонами конфликта. Идеологическое измерение придает конфликту особый характер, который усложняет и затрудняет достижение удовлетворительных решений для обеих сторон.

Ведущие политологи часто выводили неизбежность международных конфликтов из самой глубинной сути западной цивилизации. К. С. Гаджиев справедливо отмечает: «Возможность идеологического или системного конфликта была заложена в самой парадигмальной инфраструктуре евро- или западнцентристской цивилизации» [Гаджиев, 1999, с. 356]. Тем не менее даже во времена существования двух общественно-политических систем с различными идеологическими основами страны капиталистического мира и мировая система социализма находили возможность совместно и взаимовыгодно решать острые международные конфликты. Примером этого являются антигитлеровская коалиция 1941–1945 годов и своевременное решение Карибского кризиса 1962 года.

Подход, связанный с *национальными интересами*, предполагает, что главной движущей силой политики зарубежных стран является постоянное стремление к защите и развитию национальных интересов путем умножения государствами своих властных ресурсов. Как определил американский политолог Ганс Моргентау, «мотивом, который движет человеком, является борьба за власть, за то, чтобы остаться у власти, ответить на вызов и самоутвердиться» [Morgenthau, 1978, p. 599]. Так что политический интерес — это синоним воли к власти. В случае конфликта интересов между государствами основная предпосылка такого подхода заключается в том, что «главной движущей силой политики иностранных государств является постоянное стремление к защите и развитию национальных интересов» и что для этого необходимо «умножать ресурсы государства силой» [Davis, Pereira, 2003, p. 238].

Таким образом, обусловленные внутривнутриполитическим режимом, геополитическим положением государства, экономической и демографической ситуацией, национально-государственной идентичностью [Бурняшева, Газгиреева, 2015, с. 52] и прочими факторами национальные интересы государств и их защита становятся одной из причин возникновения международных конфликтов. В данном случае ключевые риски кроются в нарастающих глобализационных процессах современных международных отношений, в которых зачастую под угрозой оказываются суверенитет и национальные интересы отдельно взятых государств. В свою очередь, глобализация порождает геополитические риски. В подобных условиях одним из самых эффективных способов отстаивания и защиты интересов суверенного государства на международной арене становится международный конфликт, нередко сопровождающийся вооруженным столкновением как наиболее острой стадией его протекания.

Пожалуй, национальные интересы государства являются одной из самых веских и серьезных причин для возникновения международного конфликта. Их можно охарактеризовать следующим образом: «национальный интерес государства — это основа его внутри- и внешнеполитической деятельности, опирающаяся на рациональную и субъективную оценку целей и намерений акторов международных отношений» [Старостенко, Чекулаев, 2015, с. 3]. По сути, это не просто способ для государства отстаивать свое место в системе международных отношений, но и сохранить свою идентичность

и национальную модель жизнедеятельности (культуру, менталитет, собственную историю и т. д.).

И когда национальные интересы двух и более государств переживают столкновение, это приводит к росту напряженности, провоцирующему международный конфликт различной степени интенсивности. Например, к такому исходу в начале 2022 года привело столкновение национальных интересов России и Украины, которое стало возможным в том числе из-за стремления НАТО расширить сферу своего влияния на Евразийском континенте с помощью втягивания в область своих интересов Украины. Вообще национальные интересы России и стремление их отстоять и защитить привело к росту напряженности со всем западным миром, который стремится сохранить за собой доминирование в современной системе международных отношений, о чем и предупреждал Г. Моргентау.

При этом стоит отметить, что национальные интересы государств часто доминируют над универсальными ценностями тех организаций, в которых они состоят. Этот тезис вполне согласуется с позицией ряда европейских государств, которые являются частью Евросоюза, не солидарных с политикой коллективного Запада против Москвы в условиях спецоперации России. Так, президент Сербии А. Вучич открыто заявил, что разрыв отношений с Россией (особенно в энергетической отрасли) противоречит национальным интересам Сербии и вредит им. Иными словами, отстаивание национальных интересов приоритетнее, чем следование общей идее солидарности в рамках наднационального ЕС.

Согласно международно-политическому подходу, учитывающему фактор *гонки вооружений*, достигнутое одностороннее превосходство в вооружениях приводит к тенденции проявлять силу даже в международных спорах, условия которых диктуют средства дипломатического урегулирования. Это приводит к эскалации конфликтов с большей напряженностью и насилием, а рамки секретности, связанные со сферой вооружений, создают атмосферу неопределенности, страха и неуверенности среди различных сторон конфликта. Это не помогает им разрешать политические споры, но может стать причиной подталкивания к международному конфликту. Все это можно оценить как эффект оружия. Самое мощное по разрушительной силе оружие — это ядерное, и США являются самыми последовательными сторонниками этого эффекта. Необходимость сохранения ядерного паритета может привести и приводит к новым виткам гонки вооружений и, по сути, к новой холодной войне.

США всегда стремятся к тому, чтобы контролировать мир ядерного вооружения. И все их усилия направлены исключительно на сдерживание своих оппонентов, особенно это касается российского ядерного сдерживания. По справедливому мнению доктора исторических наук, профессора О. В. Матвеева, все российско-американские договоры об ограничении СНВ (стратегических наступательных вооружений) направлены на сдерживание российского потенциала в данной области, а также на то, чтобы в дальнейшем нарастить

собственные стратегические преимущества во всех областях, в том числе в гонке вооружений [Матвеев, 2020, с. 106].

Дополнительной угрозой в области гонки вооружений как причины международных конфликтов является милитаризация космоса. То есть гонка вооружений между государствами на Земле претерпевает перенос в космическое пространство [Малов, 2020, с. 19–24]. И есть реальные основания опасаться того, что именно США станут единственным государством, которое сможет полноценно милитаризировать космическое пространство, по крайней мере в ближайшее время. Поэтому в XXI веке гонка вооружений, равно как и вопросы разоружения, стали одной из ключевых задач мирового сообщества с целью предотвращения возникновения новых международных конфликтов.

Стоит отметить, что гегемонистские устремления США по наращиванию вооружений подталкивают другие ядерные державы придерживаться такого же курса [Виджаядаса, 2020, с. 39]. Так, после того как Д. Трамп объявил о выходе США из договора 1987 года о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД), российский лидер в ответ предупредил о том, что Россия будет вынуждена реагировать симметрично. И это логично. Если хотя бы одна из мировых держав продолжает наращивать вооружение (ОМУ, обычные виды оружия, в космосе, на Земле), то остальные государства вынуждены включаться в эту гонку, несмотря на колоссальные расходы в этой области, реальные и потенциальные человеческие жертвы военных конфликтов, усугубление мировых проблем в результате откладывания или игнорирования их решения (особенно в развивающихся странах). Также дополнительные сложности в контроле над гонкой вооружений создают такие государства, как Северная Корея и Иран, которые стремятся создать собственное ядерное оружие вопреки сопротивлению всего мирового сообщества.

Подход, связанный с *природой международной политической системы*, исходит из предположения, что международная политическая система основана на принципе национального суверенитета, нарушение которого приводит к международным конфликтам. Устранение возможных межгосударственных конфликтов может быть достигнуто только путем создания действенного мирового правительства, имеющего сильную власть над национальным суверенитетом государств. Такова была идея Альберта Эйнштейна, высказанная им еще в 1925 году. Единственный способ справиться со сложностью международной ситуации — это гибкая стратегия, а не жесткая программа. Согласно этой стратегии, правит только мировое правительство, имеющее своей главной целью борьбу с насилием. Такое глобальное управление требует разностороннего национально-этнического разнообразия в управлении общественной жизнью и всем тем, что ее стимулирует.

В настоящее время в научных кругах существует спор относительно перспектив мирового правительства. Мнения исследователей разделились на сторонников [Остхоф-Мюнникс, 2013, с. 38] и противников [Хилюк, Мохорова, 2021, с. 16] единого управленческого начала для всего мирового

сообщества. И те и другие приводят весомые аргументы в пользу своей позиции, указывают на имеющиеся проблемы, преодоление которых способно гармонизировать отношения между государствами в новом формате международных отношений. Есть и нейтральные авторы [Гузикова, 2013, с. 98; Плащинский, 2017, с. 27]. Однако, по нашему мнению, в настоящее время современный мир не готов к переходу на универсальное правительство. Одна страна (речь идет о США) уже не одно десятилетие пытается управлять (навязыванием) остальными странами и путем «подкупа», и с помощью санкционной политики, и прибегая к вооруженным методам.

К сожалению, современный этап развития идеи мирового правительства демонстрирует подавление, узурпацию и навязывание политической воли сильных государств слабым. Суверенитет государства же стремится сохранять свою независимость на международной арене, в случае необходимости защищая ее от вмешательства извне, что способно спровоцировать международный конфликт. В этом заключается современное глубинное противоречие, которое еще не нашло своего разрешения.

Большинство теорий *геополитического подхода* проистекают из теории Фридриха Ратцеля, который считал, что окончательная и постоянная граница является препятствием для роста государства [Stogiannos, 2018, p. 9]. Это приводит к войнам между странами, которым статика противопоказана как любому живому организму. Война — это динамика. Можно вспомнить теорию Ганса Кельзена, который рассматривал государство как живое существо и полагал, что самым важным атрибутом любого государства является власть [Kelsen, 1999, p. 15]. Власть он считал важнейшей составляющей в существовании правового государства, поскольку закон не может быть реализован только силой.

Тема геополитики тесно связана с национальными интересами государства, одним из факторов формирования которых и выступает геополитическое положение конкретного государства. Территориальные претензии на протяжении всей человеческой истории были важной причиной возникновения конфликтов на международной арене. При этом геополитический фактор как причина международного конфликта может иметь место как между соседними государствами, так и внутри одного государства. Например, со времен поражения нацизма в 1945 году не прекращается территориальный спор между СССР (РФ) и Японией по поводу Южных Курильских островов, который обострился в период ухудшения российско-японских отношений в 2022 году. Типичным примером геополитически значимого конфликта внутреннего происхождения является распад Югославии. По причине этого события конца XX века в геополитике появился термин «балканизация», смысл которого заключается в столкновении интересов национальных групп в рамках одного государства [Емельянов, 2021, с. 11].

Также в рамках данного подхода необходимо выделить и такой возможный вариант геополитического фактора международного конфликта, как мирный

способ присоединения части территории одного государства к территории другого государства, но спровоцировавший в дальнейшем международный конфликт. Речь идет о присоединении Крыма к России в 2014 году по итогам референдума. Само присоединение было мирным, без единого выстрела, но реакция Украины и коллективного Запада сопоставима с международным конфликтом. В 2022 году и другие территории Украины выразили желание повторить опыт Крыма, что вызвало новую волну эскалации напряженности.

Сторонники *политико-системного подхода* в качестве основы изучения международного конфликта рассматривают существование конкурирующих международных блоков и альянсов. Наличие таких блоков выходит на первое место среди факторов, которые приводят к войне или ускоряют возникновение коалиций [Журкин, 2014; Gibler, 2008; Reiter, Gärtner, 2013]. Таковые союзы являются краеугольным камнем для осуществления силовой политики, и любое изменение состава или общей международной структуры, которые взаимодействуют в рамках определенного союза, должны приводить к дисбалансам. Эти несоответствия варьируются в зависимости от условий, но остаются главным источником напряженности и возможных конфликтов.

Данный политико-системный подход исходит из предпосылки, что существование политической диктатуры неизбежно приводит к разнообразным конфликтам. Системы тоталитарного правления в силу своей идеологии и движущих ими мотивов и целей являются основной причиной интенсификации конфликта в международном сообществе. По сути, вся политическая история человечества отмечена противостоянием двух главных политических культур, воплощенных в тоталитарном и демократическом типах государственного устройства. Чем-то средним между тоталитаризмом и демократией является в истории и современной политической реальности авторитаризм. Карл Поппер считал, что толчок к формированию концепта авторитарности связан с первыми политическими теориями древнегреческих философов Платона и Аристотеля [Поппер, 1992, с. 25]. Эти мыслители предлагали тип государственного строя, который сочетал сильную централизованную власть с минимальной свободой самих граждан.

Но навязывать другим государствам свои политико-правовые, политические и социокультурные представления, равно и саму демократию — особенно в тех странах, где этого феномена никогда не было, да и быть не могло, — преступно и в современную эпоху может привести лишь к возникновению новых международных конфликтов.

Нужно учитывать возможные дисбалансы, могущие возникнуть в результате все более активного вступления новых независимых государств в международное сообщество. Увеличение числа стран-участников в современной международной системе может привести их к объединению собственных интересов в международно-политическом блоке. В таком блоке они могут столкнуться с другими международно-политическими акторами. Это само по себе является фактором напряженности и возможного конфликта.

Демографическая теория международного конфликта основана среди прочего на теории французского социолога Жозефа Гобино. Считается, что современная война имеет в первую очередь биологическую природу. Насилие в войнах прямо пропорционально избытку населения, который является главной силой, двигающей государство и общество в направлении войны. Согласно теории демографических циклов, каждая страна проходит через три стадии развития населения: 1) стадия медленного роста; 2) стадия взрыва; 3) этап стабильности и равновесия.

Если темпы роста населения остаются высокими и на последних двух стадиях, то демографический прирост в этих странах приводит к необходимости ведения войн, чтобы получить достаточно жизненного пространства. Некоторые исследователи, в частности немецкий исследователь Андреу Гинестет, заменяют демографию понятием устойчивости. А устойчивость — это не что иное, как способность вида адекватно справляться с собственными сложностями и проблемами¹. По мнению этого современного исследователя, демография просто является вторичным фактором.

Если вспомнить идеи психолога Эрика Эриксона, который использовал в своей теории психосоциального развития термины «эпигенетика» и «кризис идентичности», то система насилия, увековечивающая себя в культуре посредством эпигенетики, создает ощущение, что людской массы много и даже в избытке. И войны регулируют численность населения [Erikson, 2001, p. 164]. Но, помимо того что эти высказывания сами по себе принять невозможно, исследователи такого рода забывают, что в разнообразных войнах погибают, как правило, лучшие представители народа.

Зачастую демографический фактор играет значимую роль в процессе возникновения и развития этнополитических конфликтов. Так, под демографическим фактором подразумевается «совокупность процессов естественного и механического движения населения, формирующих конфликтогенный потенциал в сфере межэтнических отношений или провоцирующих открытое межэтническое противостояние в определенной стране, регионе, местности» [Сакаев, 2012, с. 46]. Таким образом, демографический фактор тесно связан с миграционными процессами, изменение которых может привести к этнодемографическому дисбалансу. В результате нарушения такого баланса наблюдается крен в сторону сепаратизма различного происхождения [Горовиц, 1993, с. 150].

Кроме того, ряд современных ученых связывают демографию и радикализм. В группе риска находятся государства с быстрыми темпами прироста населения и ограниченными ресурсами. Так возникла проблема перенаселения Земли [Гегамян, Горбунова, 2011, с. 32]. Снижение смертности усилиями Запада в странах третьего мира и сохранившаяся традиционно высокая рождаемость привела в итоге к демографическому взрыву на этих территориях,

¹ *Ginestet A. Terrorism, Complexity and the System of Violence* [Электронный ресурс] // Веб-сайт социальной сети для учёных «Academia.edu». URL: https://www.academia.edu/3635674/Andreu_Ginestet_Terrorism_Complexity_and_the_System_of_Violence

на что Запад повлиять уже не смог. И только к началу XXI века удалось взять под контроль процессы рождаемости практически во всем мире, проблемным регионом остается только Африка². По мнению директора Института демографии НИУ ВШЭ А. Вишневого, столкновение традиционных ценностей и потребность в догоняющем развитии в современных условиях развития человечества ставит страны третьего мира перед выбором между этими двумя альтернативами, но, не желая брать на себя ответственность за свой выбор (а современное население третьего мира в подавляющем большинстве — это молодежь до 20 лет), они зачастую выбирают третий путь — радикализацию, развивающую экстремизм и терроризм, которые становятся причиной дестабилизации отношений во всем мире и приводят к международным конфликтам.

При *военно-промышленном измерении* конфликтов утверждается, что основными движущими силами конфликтов и причинами международной напряженности являются различные противоборствующие группы с разнонаправленными интересами. Эти группы извлекают выгоду из разнообразных обстоятельств конфликта, которые существенным образом влияют на конкретные силы, принимающие решения в рамках политической системы. Во главе этой давящей силы стоят промышленные круги и военные.

Военно-промышленный комплекс и лобби являются идеальным инструментом для действенного функционирования системы насилия и возможного увековечения своего господства, связывая собственные возможности с культурной традицией и властными идеалами. Поскольку эффект простого наличия оружия сам по себе недостаточен, регулярное и повторяющееся применение военного насилия служит цели сохранения доминирования системы насилия как регулятора человеческой истории.

Такие влиятельные силы получили название «лобби войны», также их можно назвать военными пропагандистами. К ним относятся те группы или отдельные личности, которые заинтересованы в развязывании международного конфликта, его эскалации или в конкретном исходе. Таким образом, расцветает и военный бизнес, самым мощным и влиятельным является военный бизнес США. Как справедливо считает доктор экономических наук, профессор Е. В. Горгола, стремлениям американского военного бизнеса подчинена деятельность военно-промышленных компаний, администрации США, военного лобби, малого бизнеса, университетской науки [Горгола, 2015, с. 50]. Все они слаженно выполняют единую миссию — заказы Пентагона, подкрепляемые военной пропагандой и информационной войной. Иными словами, Соединенным Штатам выгодно воевать (или чтобы воевали другие с использованием их военной продукции), производить оружие и заниматься его поставками.

США и их военное присутствие прослеживаются во всех значимых конфликтах последнего времени, во всех регионах и на всех континентах. Такая

² «Традиционные ценности нельзя противопоставлять радикализму». Демограф Анатолий Вишневский о связи демографии и экстремизма [Электронный ресурс] // Российское интернет-издание «Lenta.ru». 19.12.2015. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/12/19/terror/>

милитаризованная политика обеспечивает США получение сверхприбыли, возвращая поставленное оружие (или иную военную продукцию/услуги) деньгами либо политическими бонусами, как это было, например, по ленд-лизу в период Второй мировой войны и по аналогичной программе в адрес Украины в 2022 году. Вкладывая десятки миллиардов долларов в военную кампанию на территории Украины, США увеличивают по времени этот конфликт, по количеству жертв, а также по возможности в перспективе «отыграть» все потраченное если не долларами, то политическим и геополитическим преимуществом. Военное лобби в США работает довольно слаженно.

Стоит отметить, что военное лобби, заинтересованное в международных конфликтах, их затягивании и эскалации, зачастую пользуются такими методами достижения собственных целей, как дезинформация и клевета [Шляхтунов, 2017, с. 77]. Например, излюбленным приемом американских военных лобби является «защита демократических ценностей», которая используется для морального оправдания войны, но с неизменной целью — экономические и политические интересы в том или ином регионе мира.

Заключение

По итогам проведенного исследования был сделан вывод о том, что современные международные конфликты испытывают на себе влияние множества факторов, которые являются и их причиной, и способом их развития, а также они оказывают влияние на выбор эффективной стратегии по их урегулированию (а иногда и затягиванию, эскалации, выводу на новый уровень противостояния).

Таким образом, были выделены следующие факторы, влияющие на международные конфликты: психологические особенности человека и его природы, идеология, национальные интересы, гонка вооружений, природа международной политической системы, геополитические особенности взаимодействия государств и народов, политико-системное изменение в мире, решение демографических проблем внутри государства и в межгосударственных отношениях (например, миграция) и военно-промышленная сфера влияния.

Все выделенные и проанализированные факторы в современных условиях приобрели особый контекст, поскольку и сами конфликты такого рода видоизменились. Тем не менее исследованные факторы продолжают оказывать влияние на международные конфликты, и рассмотрение каждого из них в настоящем исследовании позволит приблизиться к выделению оптимальной стратегии при выработке способов их урегулирования, пониманию объективных противоречий международного характера, которые порождают указанные в данной работе факторы в современных формах и на новом историческом уровне.

Сегодня всемирная история вступила в переходный период развития человечества, когда меняется духовная реальность и перед мировым сообществом

встает выбор направления дальнейшего развития, критерием правильности которого становится общечеловеческая духовно-нравственная ориентация.

Список источников

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 10. 578 с.
2. Журавлев В. Е. Философия миротворчества // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27. № 3. С. 85–93. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.8
3. Калдор М. Культура новых войн // Логос. 2019. Т. 29. № 3 (130). С. 1–21.
4. Kaldor M. *New and old wars: organized violence in a global era*. Stanford University Press, 1999. 170 p.
5. Кокшаров А. Д., Литинская Е. А. Проблема войны и мира в XXI веке // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 3 (24). С. 52–56.
6. Ксенофонов В. А. Трансформация философии войны // Научная мысль. 2020. Т. 11. № 1–1 (35). С. 36–46.
7. Луньков А. С. Философские основания миротворчества: пролегомены к проблеме // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 2. С. 75–81. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2017.2.8
8. Соловьев А. В. Философия войны: единство в многообразии // Философские науки. 2020. Т. 63. № 1. С. 20–39. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-20-39
9. Davis D., Pereira A. *Irregular Armed Forces and their Role in Politics and State Formation*. Cambridge: University Press, 2003. 419 p.
10. Цыганков П. А. *Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации: учеб. пособие*. М.: КноРус, 2017. 339 с.
11. Саломатшоева Ф. С. Философское осмысление конфликта и его современная интерпретация // Вестник филиала Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова в городе Душанбе. 2022. Т. 2. № 1. С. 9–18.
12. Зонова Т. В., Джаннотти А. Россия и Запад: противоречивый диалог // Вестник МГИМО Ун-та. 2020. Т. 13. № 1. С. 23–38. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-1-70-23-38
13. Лукин А. Н., Хайрулин Ш. Ш. Философия войны: формирование современного дискурса // Социум и власть. 2022. № 3 (93). С. 25–36. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-3-25-36
14. Фрейд З. *Введение в психоанализ: лекции*. М.: Изд-во СГУ, 2007. 522 с.
15. Waltz K. *Theory of International Politics*. Waveland Press, 2010. 251 p.
16. Фромм Э. *Душа человека* / пер. с нем. В. Закса. М.: АСТ; Астрель, 2010. 251 с.
17. Чернобровкин И. П. *Этнонациональный конфликт: природа, типы и социальный контроль: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11*. Ростов н/Д., 2004. 273 с.
18. Гаджиев К. С. *Политическая философия*. М.: Экономика, 1999. 605 с.
19. Горбунов К. Г. *Терроризм: история и современность: социально-психологическое исследование*. М.: Форум, 2012. 398 с.
20. Lukin A. *War and Its Ideologies: A Social-Semiotic Theory and Description*. Springer, 2018. P. 1–13.
21. Morgenthau H. *Politics Among Nations: the struggle for power a peace*. 5th ed., rev. New York: Knopf, Cop., 1978. XXVIII, 650 p.
22. Бурняшева Л. А., Газгиреева Л. Х. Национальные интересы России в условиях становления новой системы международных отношений // Вестник ЗабГУ. 2015. № 8 (123). С. 52–57.

23. Старостенко К. В., Чекулаев А. А. Национальные интересы России в условиях современных геополитических рисков // Экономические и гуманитарные науки. 2015. № 5. С. 3–13.
24. Матвеев О. В. Проблема сдерживания гонки стратегических ядерных вооружений в российско-американских отношениях: история и политика // Вестник Екатеринбургского ин-та. 2020. № 2 (50). С. 103–109.
25. Малов А. Космос как возможное поле боя и эволюция подходов Запада // Обозреватель — Observer. 2020. № 4 (363). С. 5–26.
26. Виджаядаса С. Новый виток разрушительной гонки вооружений: откуда идет угроза милитаризации космоса? // Этнодиалоги. 2020. № 1 (59). С. 37–52. DOI: 10.37492/ETN0.2020.59.1.001
27. Остхоф-Мюнникс Г. Мировое правительство: потребности и реальность // Век глобализации. 2013. № 1. С. 37–40.
28. Хилук А. В., Мохорова А. Ю. Защита государственного суверенитета в эпоху глобализации // Актуальные проблемы науки и практики. 2021. № 3. С. 15–17.
29. Гузикова М. О. Ценности против суверенитета: государство в «мировом сообществе» // Научный диалог. 2013. № 1 (13). С. 93–109.
30. Плащинский А. А. Доктрина мирового правительства: историческая ретроспектива, политологический анализ // Южно-российский журнал социологических наук. 2017. Т. 18. № 2. С. 25–47.
31. Stogiannos A. The Genesis of Geopolitics and Friedrich Ratzel: Dismissing the Myth of the Ratzelian Geodeterminism. Springer, 2018. 260 p.
32. Kelsen H. General Theory of Law and State. The Lawbook Exchange, Ltd., 1999. 516 p.
33. Емельянов А. И. Особенности геополитических процессов в современной мировой политике // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2021. Вып. 1 (842). С. 9–21. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_1_842_9
34. Журкин В. В. Военная политика Евросоюза. М.: Международные отношения, 2014. 254 с.
35. Gibler D. International Military Alliances, 1648–2008. CQ Press, 2008. 1001 p.
36. Reiter E., Gärtner H. Small States and Alliances. Springer Science & Business Media, 2013. 194 p.
37. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. М.: Культурная инициатива, 1992. 448 с.
38. Erikson E. The Erik Erikson Reader. W. W. Norton, 2001. 528 p.
39. Сакаев В. Т. Демографический фактор в этнополитических конфликтах: методологические аспекты анализа // PolitBook. 2012. № 3. С. 45–59.
40. Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Наука, 1993. С. 145–164.
41. Гегамян М. А., Горбунова О. Н. Перенаселение Земли — глобальная социально-экономическая проблема // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 9 (031). С. 31–36.
42. Горгола Е. В. Экономика войны — национальный бизнес по-американски // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. № 43 (328). С. 50–68.

43. Шляхтунов М. А. Лоббизм в интересах обеспечения военной безопасности государства — исторический опыт и современные проблемы // Вестник Екатеринбургского ин-та. 2017. № 1 (37). С. 74–78.

References

1. Lenin, V. I. (1969). *Complete Works. In 55 vol. Vol. 10.* Moscow: Political Literature. 578 p. (In Russian).
2. Zhuravlev, V. E. (2021). The philosophy of peacekeeping. *Science. Culture. Society*, 27 (3), 85–93. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.3.8>
3. Kaldor, M. (2019). Culture of new wars. *Logos*, 29, 3 (130), 1–21. (In Russian).
4. Kaldor, M. (1999). *New and old wars: organized violence in a global era.* Stanford University Press. 170 p.
5. Koksharov, A. D., & Litinskaya, E. A. (2020). The problem of war and peace in the 21st century. *Humanitarian Problems of Military Affairs*, 3 (24), 52–56. (In Russian).
6. Xenofontov, V. A. (2020). The transformation of the philosophy of war. *Scientific Thought*, 11, 1–1 (35), 36–46. (In Russian).
7. Lun`kov, A. S. (2017). Philosophical foundations of peacekeeping: prolegomena to the problem. *Logos et Praxis*, 16 (2), 75–81. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.2.8>
8. Solovyev, A. V. (2020). The philosophy of war: unity in diversity. *Philosophical Sciences*, 63 (1), 20–39. (In Russian). <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-1-20-39>
9. Davis, D., & Pereira, A. (2003). *Irregular armed forces and their role in politics and state formation.* Cambridge: University Press. 419 p.
10. Tsygankov, P. A. (2017). *International relations: theories, conflicts, movements, organizations: studies. the manual.* Moscow: KnoRus. 339 p. (In Russian).
11. Salomatshoeva, F. S. (2022). Philosophical interpretation of conflict and its modern interpretation. *Bulletin of the branch of Moscow State University named after M. V. Lomonosov in Dushanbe*, 2 (1), 9–18. (In Russian).
12. Zonova, T. V., & Giannotti, A. (2020). Russia and the West: a conflicting dialogue. *Bulletin of MGIMO University*, 13 (1), 23–38. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-23-38>
13. Lukin, A. N., & Khayrulin, Sh. Sh. (2022). The philosophy of war: the formation of modern discourse. *Society and Power*, 3 (93), 25–36. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2022-3-25-36>
14. Freud, Z. (2007). *Introduction to Psychoanalysis.* Lectures. Saratov: Izd-vo SGU. 522 p. (In Russian).
15. Waltz, K. (2010). *Theory of International Politics.* Waveland Press. 251 p.
16. Fromm, E. (2010). *The Anatomy of Human Destructiveness.* Translated from German by V. Zaks. Moscow: AST; Astrel. 251 p. (In Russian).
17. Chernobrovkin, I. P. (2004). Ethno-national conflict: nature, types and social control. *Doctoral dissertation of Philosophical Sciences*: 09.00.11. Rostov-on-Don. 273 p. (In Russian).
18. Gadzhiev, K. S. (1999). *Political philosophy.* Moscow: Economics. 605 p. (In Russian).
19. Gorbunov, K. G. (2012). *Terrorism: history and modernity: socio-psychological research.* Moscow: Forum. 398 p. (In Russian).

20. Lukin, A. (2018). *War and Its Ideologies: A Social-Semiotic Theory and Description* (pp. 1–13). Springer.
21. Morgenthau, H. (1978). *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Fifth Edition, Revised. New York: Knopf. Cop. XXVIII, 650 p.
22. Burnyashева, L. A., & Gazgireeva, L. Kh. (2015). National interests of Russia in the conditions of the formation of a new system of international relations. *Bulletin of ZabGU*, 8 (123), 52–57. (In Russian).
23. Starostenko, K. V., & Chekulayev, A. A. (2015). National interests of Russia in the conditions of modern geopolitical risks. *Economic and Humanitarian Sciences*, (5), 3–13. (In Russian).
24. Matveev, O. V. (2020). The problem of restraining the strategic nuclear weapons race in Russian-American relations: history and politics. *Bulletin of the Catherine Institute*, 2 (50), 103–109. (In Russian).
25. Malov, A. (2020). Space as a possible battlefield and the evolution of Western approaches. *Observer*, 4 (363), 5–26. (In Russian).
26. Vijayadasa, S. (2020). A new phase of destructive arms race: Where does the threat of militarizing space come from? *Ethnodialogues*, 1 (59), 37–52. (In Russian). <https://doi.org/10.37492/ETN0.2020.59.1.001>
27. Osth-Munichs, G. (2013). World government: needs and reality. *The Century of Globalization*, (1), 37–40. (In Russian).
28. Khilyuk, A. V. & Mokhorova, A. Yu. (2021). Protection of state sovereignty in the era of globalization. *Actual Problems of Science and Practice*, (3), 15–17. (In Russian).
29. Guzikova, M. O. (2013). Values versus sovereignty: the state in the “world community”. *Scientific Dialogue*, 1 (13), 93–109. (In Russian).
30. Plashchinskiy, A. A. (2017). The doctrine of world government: historical retrospective, political analysis. *Journal of Sociology in Southern Russia*, 18 (2), 25–47. (In Russian).
31. Stogiannos, A. (2018). *The Genesis of Geopolitics and Friedrich Ratzel: Dismissing the Myth of the Ratzelian Geodeterminism*. Springer. 260 p.
32. Kelsen, H. (1999). *General Theory of Law and State*. The Lawbook Exchange, Ltd. 516 p.
33. Emelyanov, A. I. (2021). Features of geopolitical processes in modern world politics. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 1 (842), 9–21. (In Russian). https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_1_842_9
34. Zhurkin, V. V. (2014). *The military policy of the European Union*. Moscow: International Relations. 254 p. (In Russian).
35. Gibling, D. (2008). *International Military Alliances, 1648–2008*. CQ Press. 1001 p.
36. Reiter, E., & Gärtner, H. (2013). *Small States and Alliances*. Springer Science & Business Media. 194 p.
37. Popper, K. (1992). *The Open Society and Its Enemies. In 2 vol. Vol. 1. The Spell of Plato*. Moscow: Cultural Initiative. 448 p. (In Russian).
38. Erikson, E. (2001). *The Erik Erikson Reader*. W. W. Norton. 528 p.
39. Sakayev, V. T. (2012). The demographic factor in ethno-political conflicts: methodological aspects of analysis. *PolitBook*, (3), 45–59. (In Russian).
40. Gorovitz, D. (1993). Irredentism, separatism, and self-determination. In: *National Policy in the Russian Federation*. Materials of International Scientific-Practical Conference (pp. 145–164). Moscow: Nauka. (In Russian).

41. Gegamyan, M. A., & Gorbunova, O. N. (2011). Overpopulation of the Earth — a global socio-economic problem. *Social and economic phenomena and processes*, 9 (301), 31–36. (In Russian).
42. Gorgola, E. V. (2015). War economy — national business the American way. *National Interests: Priorities and Security*, 11, 43 (328), 50–68. (In Russian).
43. Shlyakhtunov, M. A. (2017). Lobbying in the interests of ensuring national security — historical experience and modern problems. *Bulletin of the Catherine Institute*, 1 (37), 74–78. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Борзова Елена Петровна — доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Санкт-Петербургского реставрационно-строительного института, Санкт-Петербург, Россия.

Borzova Elena Petrovna — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, St. Petersburg Institute of Restoration and Construction, St. Petersburg, Russia.

borzova_01@mail.ru

Ковалев Андрей Андреевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия.

Kovalev Andrey Andreevich — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, North-Western Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

kovalev-aa@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научно-исследовательская статья

УДК 111:316.77

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.4

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ПРИНЯТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ НОВЫХ МАТЕРИАЛОВ И ТЕХНОЛОГИЙ

Твердынин Н. М.

Академия гражданской защиты МЧС России

им. генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика,

Химки, Россия,

n.tverdynin@amch.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования связана с неоднозначным восприятием достижений научно-технического прогресса представителями разных социальных структур.

– В связи с этим главным направлением статьи был анализ влияния на данное явление различных факторов, включая особую роль социального заказа.

– Ведущим методом исследования в данной работе являлся метод сравнительного исторического анализа, который позволил обозначить причины неприятия технических новаций как отдельными людьми, так и социальными группами.

– В статье раскрыты причины отношения к технике отдельных людей и социальных групп с позиций технофобии и технократизма.

– Представленные материалы позволяют продолжить исследования по заявленной проблематике, в частности по раскрытию связи между восприятием обществом научно-технического прогресса и образованием.

Ключевые слова: техника и технология, научно-технический прогресс, история техники, социальность, социальный заказ, сравнительный анализ, экономика

Для цитирования: Твердынин Н. М. Неоднозначность принятия общественным сознанием новых материалов и технологий // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 4 (48). С. 47–56. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.4

Scientific research article

UDC 111:316.77

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.4

THE AMBIGUITY OF THE ACCEPTANCE OF NEW MATERIALS AND TECHNOLOGIES BY THE PUBLIC CONSCIOUSNESS

Nikolay M. Tverdynin

The Academy of Civil Defence of the EMERCOM of Russia
named after Lieutenant General D. I. Mikhailik,
Khimki, Russia,
n.tverdynin@amch.ru

Abstract. The relevance of the research topic is associated with the ambiguous perception of the achievements of scientific and technological progress by representatives of different social structures.

– In this regard, the main focus of the article was the analysis of the influence of various factors on this phenomenon, including the special role of the social order.

– The leading method of research in this work was the method of comparative historical analysis, which allowed us to identify the reasons for the rejection of technical innovations, both by individuals and by social and groups.

– The article reveals the reasons for the attitude of individuals and social groups to technology from the standpoint of technophobia and technocratism.

– The presented materials allow us to continue research on the stated issues, in particular, the disclosure of the connection between society's perception of scientific and technological progress and education.

Keywords: Engineering and technology, scientific and technological progress, history of technology, sociality, social order, comparative analysis, economics

For citation: Tverdynin, N. M. (2023). The ambiguity of the acceptance of new materials and technologies by the public consciousness. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (48), 47–56. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.48.4.4>

Введение

Хотя взаимосвязь между социальным развитием и эволюцией технико-технологического знания в его вещественном воплощении (машины, механизмы, технологические процессы) и не вызывает ни у кого сомнения (споры здесь ведутся лишь в «координатах» полезности – вреда научно-технического развития для человека), но социально-философский анализ проблематики, связанной с проникновением в общество новых материалов и технологий, а также с динамикой отказа от материалов и технологий, по разным причинам изживающих себя и отторгаемых обществом, относительно редок. В данной статье предпринята попытка такого анализа

применительно к различным материалам, определившим характеристики повышения благосостояния современного социума за последние полтора столетия, то есть от последней четверти XIX века до настоящего времени. При этом базовыми параметрами выступают социально-экономические факторы, включая отношения социального заказа, взаимосвязь естественно-научного и технико-технологического развития, экологические и ряд других причин, влияющих на социально-психологические характеристики населения.

Основная идея данного исследования заключается в том, что, хотя количество новых материалов и соответствующих им технологий постоянно возрастает, но общество не может «переварить» больше определенного их количества, «лишнее» отбрасывается на периферию общественного сознания и ждет (может и не дожидаться) своего часа, когда сформируется соответствующий социальный заказ и те или иные материалы и технологии окажутся востребованными. При этом автор предполагает, что нельзя говорить о какой-либо строгой границе, определяющей количество материалов и технологий в конкретный исторический период в каком-либо обществе (государстве, цивилизации). Существует некий континуум, в котором все имеющиеся на данный исторический момент технологии и технические решения находятся во взаимосвязи и взаимодействии. Их приоритетность определяется как технологическими, так и социальными факторами. Экономические и политические моменты могут при этом рассматриваться как производные от социальных. По прошествии какого-либо времени (мгновенных перестроений внутренних элементов такого континуума не может происходить, поскольку социум инертен, и, кроме того, ни одно техническое устройство или технологическое решение не может возникнуть спонтанно и одномоментно) внутренняя структура континуума меняется. Главным «двигателем» этих изменений является социальный заказ. Его масштабы изменяются от удовлетворения человеком самых простых бытовых потребностей, например изготовление более удобных в пользовании ручек у кастрюль и сковородок до поистине глобальных решений, как это имело место быть в лунной гонке между СССР и США в шестидесятые годы прошлого века, когда к техническому соревнованию за приоритет в космических исследованиях были подключены ресурсы двух ведущих мировых экономик.

Методы / методологические основания

В качестве аналогии, показывающей сложность взаимодействия элементов описанного выше технико-технологического континуума и их неравномерную востребованность, можно рассмотреть процесс изучения и использования на практике иностранного языка. Количество употребляемых человеком слов и других лексических единиц, используемых в любом языке при повышении уровня владения им, постоянно расширяется. При этом все лексическое богатство любого языка применительно к различным его структурам

используется неравномерно, как изучающими этот язык, так и его носителями. (Общеизвестно, что понимание неспециализированного текста на иностранном языке наступает при знании от тысячи до двух тысяч слов этого языка, что всегда несоизмеримо меньше, чем количество слов в литературном языке.) При этом любой язык развивается и во времени, и за счет социальных факторов, включая взаимодействие с другими языками и культурами.

В данном исследовании использовалась методика сравнительного анализа наряду с методикой контент-анализа для выявления наиболее общих закономерностей в соотношении значимости различных материалов для развития и стабильности социума.

Результаты

Процесс анализа роли наиболее важных для общества материалов в своей основе базируется на противоречии, которое возникает при рассмотрении технического развития с позиций двух парадигм: холистической и редуccionистской. В рамках холистических взглядов всякая техническая новация, если она используется в различных сочетаниях, что чаще всего и бывает на практике, значительно масштабнее, чем изначальный материал или сопряженная с ним технология. Но практика использования различных изобретений показывает, что достаточно часто тот или иной технический объект оказывается крайне жестко встроен в определенную техническую систему (агрегат, конструкцию). Поэтому соответствующий материал не может быть разнообразен в своих характеристиках. В этом случае мы оказываемся ближе к редуccionистским взглядам и процессы анализа и синтеза применительно к технообъектам превращаются при попытке их абстрактного осмысления в некое подобие сборки и разборки своеобразного конструктора, где количество отдельных деталей точно совпадает с их количеством в уже собранном (законченном) объекте.

Отправной точкой исследования послужили высказывания двух выдающихся философов, с различных позиций анализировавших технический прогресс. Это Хосе Ортега-и-Гассет и Фридрих Дессауэр. Следует учитывать, что взгляды первого на научно-технический прогресс в целом и технику в частности, наиболее полно изложенные в его работе «Рассуждение о технике» отражают мироощущение техногенного общества с позиции гуманитария, а второго — с позиций инженера и ученого естествоведника (Ф. Дессауэр — основатель первого в Германии Института биофизики).

Ортега говорит о том, что техника может удовлетворять потребностям, в которых до появления соответствующих устройств и материалов человек не испытывал потребности. Дессауэр же связывает техническое развитие с экономическим развитием, говоря об их «взаимном оплодотворении» [Дессауэр, с. 164–232]. При этом надо отметить, что, будучи противником марксизма,

он в своих концептуальных утверждениях опирается на религиозно-культурные концепты в развитии техники и технологии [Ортега-и-Гассет, с. 105–109], а не на классовую борьбу. Необходимо учитывать, что и Х. Ортега-и-Гассет, и Ф. Дессауэр — современники и оба занимали в политике центристские позиции (детальное сопоставление взглядов этих философов на технику в контексте социальности современного им общества интересны сами по себе, но выходят за рамки данной статьи.)

Именно изначальное стремление человека улучшить условия своего существования в сочетании (на более поздних этапах развития общества) с желанием обеспечить возможность получения прибыли, решение проблем, связанных с интересами государства, действия отдельных социальных групп для реализации своих собственных интересов и являются тем базисом, на котором возникает социальный заказ, реализация которого становится основанием для научно-технического развития и появления новых материалов и технологий. При этом следует отметить, что отношения, которые возникают при стремлении реализовать социальный заказ и связанные с уровнем развития техники, не являются равнозначными понятиями. Именно при анализе этих понятий выявляется существенная разница в понимании, казалось бы, таких сугубо технических терминов, как материал и технология.

Назовем несколько примеров влияния перечисленных выше факторов на формирование социального заказа применительно к новым материалам и технологиям, обеспечивающим их создание и производство.

Первый пример. История создания технологии меховой одежды, согласно археологическим данным, началась еще триста тысяч лет назад, с появлением неандертальцев на евразийском пространстве [Сутягин, с. 2–3] и была значительно усовершенствована сменившими их и в небольшой степени растворившими их в себе кроманьонцами. Естественно, что социальный заказ в этом случае диктовался условиями выживания. Отработанные за десятки тысяч лет технологии максимально приспособлены к арктическому и субарктическому климату. При этом можно лишь поражаться, до какой степени за это время были оптимизированы все приемы обработки шкур, их раскроя и сшивания, включая меховую обувь. Надо отдать должное человеческому гению, который смог добиться оптимума в изготовлении одежды, максимально приспособленной к запредельно низким температурам, используя при этом минимум средств и инструментов. Об оптимуме можно говорить еще и потому, что за десятки тысяч лет у народов Севера эта одежда практически не изменилась. Существует довольно обширная специальная литература, посвященная технологии изготовления меховой одежды и ее развитию. Но хотелось бы вспомнить исторический анекдот о том, как пьяные придворные одели на императрицу Елизавету Петровну шубу мехом наружу, после чего она издала указ о том, что меховую одежду надо носить именно так, мотивируя это тем, что необходимо демонстрировать красоту российских мехов. (Простой народ об этом, понятно, не знал и продолжал носить нагольные полушубки и тулупы.)

В философско-технологическом плане это интересно тем, что социальный заказ применительно к моде может меняться внезапно, но может и проявлять себя для отдельных социальных групп.

Другой пример также в известной степени связан с одеждой и касается пурпурной краски. Согласно недавним археологическим данным [Sukenik et al., p. 1–4], она стала впервые использоваться еще со второй половины XI века до н. э. Для Финикии, сопредельных стран, а затем и всех античных государств эта краска была самой дорогой из всех известных. В зависимости от того, из какого вида моллюсков она добывалась, ее оттенок мог меняться, но сама она была практически не выцветавшей за время десятков и даже сотен стирок. Пурпур стал не просто словом, обозначающим цвет, а и принадлежность к высшим сословиям тогдашнего общества, включая в первую очередь семью римского и византийского императора. Это привело к практически полному истреблению моллюсков-иглянок различных видов, из которых и выделяли этот краситель. Но поскольку сохранялся социальный заказ, то с уменьшением сырьевой базы цена на пурпур только возрастала. Секрет изготовления этой удивительной краски был, как казалось, окончательно потерян после захвата Константинополя турками, но примерно через двести с небольшим лет вновь открыт англичанином Уильямом Коулом (William Cole), а затем несколько раз переоткрывался рядом европейских ученых. Но главное, что следует отметить в социально-философском плане это постоянный диктат социального заказа в совершенствовании технологии. Именно это привело к тому, что развитие технологии искусственных красителей достаточно быстро привело с начала XX века к созданию красок, заменивших естественный пурпур. Тем не менее усилиями историков и химиков были проанализированы и воссозданы технологии получения натурального пурпура при обработке более дешевого сырья современными реагентами. Можно добавить еще один факт, который в определенном смысле связывает дорогое и дешевое в требованиях социального заказа. В большинстве флагов разных стран отсутствуют фиолетовый и малиновый цвета. Пурпурная краска была востребована для одежд аристократии, но не стала применяться в силу дороговизны в знаменах и штандартах.

Третий пример неоднозначности отношений социального заказа как одновременно ускоряющего и тормозящего момента в технологическом и научно-техническом развитии в целом является появление и развитие изоляционных материалов, включая резину [Иванов, с. 159]. Трудно поверить, что еще двести лет назад, когда уже начал интенсивно развиваться железнодорожный транспорт, никто даже и не предполагал, что уменьшить тряску в каретах можно, не пытаясь совершенствовать систему рессор. Идея надувных колес хотя и существовала, но воспринималась как абсолютно фантастическая. При этом природный каучук уже был известен, но широкого применения не находил. Единственное направление, которое оказалось перспективным, — сделать различные ткани непромокаемыми за счет водоотталкивающих свойств каучука.

Наиболее известным в этом плане является создание шотландским химиком Чарльзом Макинтошем непромокаемых плащей для английской армии во время Крымской войны. Далее оказалось, что каучук может использоваться как внешний обод на колесах, но для этого он слишком мягок. После изобретения процесса вулканизации Чарльзом Гудьиром в 1844 году (даже раньше, чем появление плащей-макинтошей) появились шины, садовые водяные шланги, а затем их комбинация привела к созданию современных велосипедных и автомобильных шин и камер. Как мы видим, и здесь все более ускоряющимися темпами развивались отношения социального заказа. Все перечисленные изобретения качественно меняли жизнь общества и могут рассматриваться как инновации, которые активно влияли на социальную жизнь. В подтверждение этого можно сослаться на то, что плащи стиля тренч воспринимались, по сравнению с макинтошами, не просто как более изящные, но и как своего рода социальная метка о принадлежности к более высокому социальному слою. Наконец, появление резиновых презервативов оказалось настолько социально востребовано, что встало в один ряд с наиболее выдающимися изобретениями в истории. Но развитие технологии резины и ее широкое распространение в качестве сначала вспомогательного, а уже буквально через несколько лет основного изоляционного материала вновь оказало огромный социально-технический эффект, поскольку способствовало электрификации не только промышленных предприятий, но и обычных жилых домов, качественно меняя жизнь населения в большинстве стран.

Еще одна технологическая область, о которой хотелось бы сказать несколько слов в плане взаимосвязи социального заказа и интенсификации процессов развития социума, — военные технологии. Политики всех стран (если они действительно защищают интересы своего государства) стремятся к военному лидерству. Но при этом необходимо соблюдать баланс между качеством вооружения, возможностями экономики, приоритетами большинства населения, аксиологическими характеристиками элиты и многими другими параметрами. Именно поэтому история показывает множество примеров поражения государств в войне, если руководство страны не развивало военные технологии или же, наоборот, делало ставку на инновационные, но не полностью доведенные до массового производства технологические разработки.

Дискуссионные вопросы

Из рассмотренных примеров видно, насколько социальные реалии могут повлиять на конкретику изменений в том или ином обществе при внедрении новых научно-технических разработок. Таким образом, мы (пусть и несколько запутанно) подошли к основному вопросу настоящей статьи: в чем причина неприятия обществом новых технологий?

Количество технологий, по сравнению с количеством материалов, относительно невелико. Технологий относительно немного, например на все

перечисления основных технологий обработки материалов, как говорится, хватит пальцев на руках. Самих же материалов в настоящее время имеется тысячи и десятки тысяч, а если говорить о веществах из которых материалы состоят, то к концу XX века счет пошел уже на миллионы. При этом чаще всего оказывается невозможным реализовать немедленно тот социальный заказ, который общество дает науке и производству (техносфере). Общество дает социальный заказ, но наука, а затем и техника часто оказываются не готовы к его максимально быстрой реализации. Позиции той или иной социальной группы практически всегда базируются на экономической основе. Эта базисность просто не может фундаментализоваться одинаково у классов, социальных групп и слоев населения любой страны, что должно приводить к социальным конфликтам и противостояниям.

Впервые в такой исторический период, как Новое время, это проявилось в движении луддитов в Англии, когда разрушение машин воспринималось рабочими как борьба за социальную справедливость. Следует отметить, что хотя протестные формы стали во многом менее интенсивными, но, по сути, когда современные работники протестуют против замены их устройствами с искусственным интеллектом, то их требования и требования английских рабочих конца XVIII – начала XIX века имеют в своей основе много общего.

Другая причина неприятия новых технологий одновременно относится и к прикладной экономике, и к социальной психологии — стоимость конечного продукта любой новой технологии много больше ожидаемого; цена изделий, пока не достигнута точка безубыточности, будет достаточно большой, соответственно, новая продукция может показаться потребителю завышенной по сравнению с той, на которую он рассчитывал. Именно поэтому большинство производителей вкладывает значительные средства в рекламу до начала и даже после начала выпуска новых изделий. Такой подход позволяет минимизировать риски во время первых продаж и даже в ряде случаев получить сверхприбыль.

Еще одной причиной противодействия значительной части общества новым технологиям может выступать противоречие популярной у значительной части населения экологической парадигмы в оценке техногенной производственной деятельности и социального заказа. Они не могут не приводить к сложному диалектическому взаимодействию. В этот процесс вторгается множество разновекторных по своему содержанию факторов, причиной неприятия новых технологий может выступать экологическая, а точнее, псевдоэкологическая пропаганда, которую чаще всего развертывают конкуренты производителя новой продукции. При этом не важно, идет ли речь о строительстве атомных станций, выпуске строительных материалов, строительстве очистных сооружений или производстве молочной продукции. Предприятие или даже страна-конкурент стараются дискредитировать саму идею строительства или производства в глазах населения с тем, чтобы затем внедриться на освободившееся место самим.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о многофакторности причин, порождающих отторжение частью общества новых технических решений и различных достижений научно-технического прогресса. Из-за большого количества причин результат таких влияний труднопредсказуем, поскольку направление, в которую сторону качнется маятник общественных настроений: технофобии или технократизма, — является своего рода функцией со многими независимыми переменными.

Следует отметить, что все три перечисленные выше причины напрямую связаны с уровнем образования населения, который как в России, так и в большинстве развитых стран снижается. Взаимосвязь образования и восприятия общественным сознанием окружающей действительности автор надеется провести в своей следующей статье.

Список источников

1. Дессауэр Ф. Спор о технике / пер. с нем. А. Ю. Нестерова. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Избранные труды. М.: Весь мир, 2000. 706 с.
3. Что первобытные люди делали из шкур животных [Электронный ресурс] // Познавательное и интересное: [сайт]. URL: <https://navzvode.ru/chto-pervobytnye-lyudi-delali-iz-shkur-zhivotnyh> (дата обращения: 30.08.2023).
4. Sukenik N., Iluz D., Amar Z., Varvak A. Early evidence of royal purple dyed textile from Timna Valley (Israel). PLoS ONE. January 2021. 16 (1):e0245897. P. 1–4.
5. Иванов С. А. 1000 лет озарений и открытий: удивительные истории простых вещей. М.: Вокруг Света, 2010. 232 с.

References

1. Dessauer, F. (2017). *Dispute about technology*. Translated from the German by A. Y. Nesterov. Samara: Publishing house of the Samara Humanitarian Academy. 266 p. (In Russian).
2. Ortega, y Gasset J. (2000). Reflections on technology .Jose Ortega y Gasset. *Selected works*. Moscow: The whole world. 706 p. (In Russian).
3. What primitive people did from animal skins. *Informative and interesting*: [web-site]. Retrieved from: <https://navzvode.ru/chto-pervobytnye-lyudi-delali-iz-shkur-zhivotnyh> (accessed: 30.08.2023). (In Russian).
4. Sukenik, N., Iluz, D., Amar, Z., & Varvak, A. (2021, January). Early evidence of royal purple dyed textile from Timna Valley (Israel). *PLoS ONE*, 16 (1): e0245897, 1–4.
5. Ivanov, S. A. (2010). *1000 years of insights and discoveries: amazing stories of simple things*. Moscow: Around the World. 232 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Твердынин Николай Михайлович — доктор философских наук, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры химии и материаловедения, Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика, Химки, Россия.

Tverdynin Nikolay Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher, Professor of the Department of Chemistry and Materials Science of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Academy of Civil Defence of the EMERCOM of Russia named after Lieutenant General D. I. Mikhailik, Khimki, Russia.

n.tverdynin@amch.ru

Аналитическая статья

УДК 1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.5

ГУМАНИТАРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: В ПОИСКА КОНСЕНСУСА

Матрони́на Л. Ф.

Российский государственный социальный университет,
Москва, Россия,
lmatronina@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-9045-5764>

Скородумова О. Б.

Российский государственный социальный университет,
Москва, Россия,
obsel@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8962-0155>

Аннотация. Стремительное развитие конвергентных технологий в первой четверти XXI века актуализирует проблему выявления их сущности, перспектив развития и, главное, влияния, оказываемого этими технологиями, на сущность и существование человека. В статье предпринята попытка раскрыть специфику NBIC-конвергенции как синергию нано-, био-, инфо-, когнитивных технологий, составляющих суть четвертой промышленной революции («Индустрия 4.0»). Показано, что наряду с новыми возможностями NBIC-технологии ведут к глобальным рискам, прежде всего к гуманитарным. Авторы отмечают, что в условиях современной технологической экспансии резко обострилось противоборство между гуманистами и их критиками в оценке гуманитарных последствий, вызванных NBIC-конвергенций. На основе проведенного анализа современных исследований выделены потенциальные гуманитарные риски, ведущие к нивелированию уникальной природы человека, разрушению его целостности и индивидуального Я. В статье делается вывод, что в условиях формирования новой гибридной техно-антропологической реальности для преодоления кризиса гуманизма и дегуманизации общества необходим консенсус в разработке правовых и этических механизмов, направленных на регулирование конвергентных технологий, привлечение к гуманитарной экспертизе специалистов и разработчиков технологий, ученых, политиков, а также широкой общественности. Важная роль принадлежит образованию как организационно-коммуникативному процессу обучения и воспитания личности, формированию ее целостности.

Ключевые слова: конвергентные технологии, NBIC-конвергенция, человек, гуманизм, дегуманизация, гуманитарные риски

Для цитирования: Матрони́на Л. Ф., Скородумова О. Б. Гуманитарные последствия конвергентных технологий: в поиска консенсуса // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 4 (48). С. 57–70. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.5

Analytical article

UDC 1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.5

HUMANITARIAN IMPACTS OF CONVERGENT TECHNOLOGIES: IN SEARCH OF CONSENSUS

Liliya F. Matronina

Russian State Social University,

Moscow, Russia,

lmatronina@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-9045-5764>

Olga B. Skorodumova

Russian State Social University,

Moscow, Russia,

obsel@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8962-0155>

Annotation. The rapid development of convergent technologies in the first quarter of the 21st century actualizes the problem of identifying their essence, development prospects and, most importantly, the impact these technologies have on the essence and existence of a person. The article attempts to reveal the specifics of NBIC convergence as a synergy of nano-, bio-, info-, cognitive technologies that make up the essence of the fourth industrial revolution (“Industry 4.0”). It is shown that, along with new opportunities, NBIC technologies lead to global risks, primarily humanitarian ones. The authors note that in the context of modern technological expansion, the confrontation between humanists and their critics in assessing the humanitarian consequences caused by NBIC convergence has sharply escalated. Based on the analysis of modern research, potential humanitarian risks are identified, leading to the leveling of the unique nature of man, the destruction of his integrity and individual “I”. The article concludes that the conditions for the formation of a new hybrid techno-anthropological reality in order to overcome the crisis of humanism and the dehumanization of a technologized society require a consensus in the development of legal and ethical mechanisms aimed at regulating convergent technologies, involving specialists and technology developers, scientists, politicians, as well as the general public. An important role belongs to education as an organizational and communicative process of teaching and educating a person, the formation of its integrity.

Keywords: convergent technologies, NBIC convergence, humanism, dehumanization, humanitarian risks

For citation: Matronina, L. F., & Skorodumova, O. B. (2023). Humanitarian impacts of convergent technologies: in search of consensus. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (48), 57–70. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.48.4.5>

Введение

Макродвиг (Macroshift) — так характеризует современную эпоху известный ученый и общественный деятель, основатель и президент Будапештского клуба Э. Ласло, полагая при этом, что движущей силой трансформации цивилизации является технология [Ласло, 2004, с. 12]. Всевозрастающая зависимость современного мира от технологических инноваций, сближение естественного и искусственного миров ставят перед философами, учеными задачу осмыслить, понять происходящие процессы. В рамках философского дискурса наряду с традиционными появляются новые проблемы и концепты. Так, экспоненциальный рост технологий в последней трети XX – начале XXI веков привел к активизации исследований, посвященных выявлению сущности и природы технологии, ее отличия от техники, основных факторов, обуславливающих формирование технологии, поиски путей преодоления кризиса техногенной цивилизации, места человека в технологизированном мире и т. д. Технология рассматривается уже не просто как совокупность методов и приемов инженерной деятельности, а как условие и механизм конструирования социальной реальности, «которая в функциональном отношении обеспечивает те или иные цивилизационные завоевания (то есть является механизмом новаций и развития), а, по сути, представляет собой сферу целенаправленных усилий (политики, управления, модернизации, интеллектуального и ресурсного обеспечения и т. д.) существенно детерминированных рядом социокультурных факторов» [Розин, 2014, с. 9]. Исследователи сосредотачивают внимание на анализе социальных, экономических и политических технологий, гуманитарных, интеллектуальных и образовательных технологий, информационно-коммуникативных, сетевых и цифровых технологий в социально-культурном контексте.

Существенный интерес представляют конвергентные технологии, составляющие суть четвертой промышленной революции (концепция «Индустрия 4.0»). Речь идет о NBIC-конвергенции — слиянии инфо-, нано-, био- и когнитивных технологий, совместное действие которых дает синергетический эффект. NBIC-конвергенция основана на сближении теоретических и методологических основ, инструментария, понятийного аппарата и предметных областей ряда наук и технологий¹. Она представляет собой радикально новый этап научно-технического процесса, не имеющий исторических аналогов по степени влияния на человеческую цивилизацию [Добреневков, Кравченко, 2018, с. 178–180; Шваб, 2018, с. 17–23; Hockfield, 2019, p. 3–4]. В условиях современной технологической экспансии

¹ В Указе Президента Российской Федерации от 07.07.2011 № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» нано-, био-, информационные, когнитивные технологии внесены в перечень критических технологий. См.: Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/33514> (дата обращения: 10.08.2023).

человек становится заложником технологий [Лекторский, 2020, с. 8–9; Марков, 2021, с. 195; Антропомерность как вызов..., 2022, с. 10–14]. Новые технологии вытесняют человека: цифровая революция породила великую цель — апгрейд человечества. Активно развивается идея о вмешательстве в телесные и психические процессы человека, его «улучшении», создании «пост-человеческого» существа, «цифровом бессмертии». Методы биологического конструирования, клонирование, генная инженерия могут превратить человеческий род в набор разнообразных существ с возможностями супергероев. Один из ведущих технологических футурологов современности Г. Леонгард утверждает, что в условиях технологического макросдвига нас ожидает новая пандемия — цифровое ожирение как «психическое и техническое состояние, которое негативно сказывается на здоровье, самочувствии, настроении и жизни в целом» [Леонгард, 2018, с. 179]. И главный вопрос, пожалуй, заключается уже не в том, что могут технологии (они, действительно, могут многое), а в том, что должен делать человек, чтобы сохранить свою идентичность, свое подлинное Я. В связи с этим актуализуется необходимость глубокого и всестороннего анализа возможных последствий и перспектив не только выживания человека в эпоху макросдвига, но и сохранения его сущностных физических, психических и духовных качеств, гуманности.

Методы

В статье использовались методы, органичные для социально-философского анализа. Герменевтический подход способствовал прояснению смысла базовых понятий, таких как технология, NBIC-конвергенция, гуманизм, гуманистические риски и др. Эпистемологический потенциал системного подхода позволил раскрыть преобразующий потенциал нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий как комплекса взаимосвязанных элементов и обосновывать необходимость их дополнения гуманной/гуманитарной составляющей, а также представить целостный взгляд на проблему трансформации человека в условиях современных технологических вызовов. Компаративный анализ использовался при сопоставлении различных стратегий и перспектив гуманитарных последствий NBIC-конвергенции. Применение данных и других общенаучных методов исследования позволило проследить динамику и углубление экзистенциальных сдвигов, ведущих к кризису гуманизма, и выявить потенциальные пути его преодоления.

Результаты

В статье рассмотрена специфика NBIC-конвергенции как синергии нано-, био-, инфо-, когнитивных технологий, особое место в которой занимают гуманитарные технологии. На основе проведенного анализа современных исследований показано, что введение гуманитарных технологий в число конвергирующих

не решает проблему их гуманности. Это связано с тем, что данные технологии рассматривают, как правило, с позиции инструментальной целерациональности (полезности, эффективности), не учитывающей ценностно-смысловую направленности человеческого бытия. Такой подход ведет к нивелированию уникальной природы человека, разрушению его целостности и индивидуального Я. В условиях формирования новой гибридной техно-антропологической реальности необходимо преодолеть противоречия между гуманистами и их критиками в оценке гуманитарных последствий NBIC-конвергенции. Достижение консенсуса, как представляется, возможно путем принятия правовых и этических механизмов на международном и государственном уровнях, направленных на регулирование конвергентных технологий; осуществление гуманитарной экспертизы с привлечением специалистов и разработчиков технологий, ученых, политиков, а также широкой общественности. Возрастает роль образования в формировании критически мыслящего сознания современного человека.

Дискуссионные вопросы

Стремительный рост науки, техники и технологии в современном мире, появление такого феномена, как NBIC-конвергенция (нано-, био-, инфо- и когнитивные технологии), способствовало актуализации исследований их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Впервые словосочетание «конвергентные технологии» появилось в 2002 году в докладе «Конвергентные технологии для повышения эффективности человека» (Converging Technologies for Improving Human Performance), подготовленном представителями Национального научного фонда США — специалистом в области нанотехнологий М. Роко и социологом У. Бейнбриджем [Converging Technologies..., 2002]. Авторы доклада отмечают, что словосочетание «конвергентные технологии» относится к синергетическому соединению четырех основных NBIC (Nano-Bio-Info-Cogno) в области науки и техники, каждая из которых развивается быстрыми темпами: а) нанонаука и нанотехнология; б) биотехнология и биомедицина, включая генную инженерию; в) информационные технологии, включая передовые вычислительные технологии и коммуникации; г) когнитивная наука, включая когнитивную неврологию. Особенности NBIC-конвергенции являются: интенсивное взаимодействие между научными и технологическими областями; широта рассмотрения и влияния — от атомарного уровня материи до разумных систем; технологическая перспектива роста возможностей развития человека. В докладе особо подчеркивается, что речь идет о «новом Ренессансе», об открытии нового «золотого века» для всего человечества, основу которого составляет целостный взгляд на науку и технику, предполагающий новые технологические возможности и фокусирующийся на людях. Последнее зафиксировано в самом названии доклада — повышение производительности человека (Improving Human Performance). Принципиально важным

является то, что исследователи обращают внимание на необходимость дополнения NBIC-конвергенции технологиями, ориентированными на общество и человека: «В первые десятилетия XXI века сосредоточенные усилия могут объединить нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии и новые гуманитарные технологии, основанные на когнитивной науке. При должном внимании к мерам безопасности, этическим вопросам и общественным потребностям результатом может стать огромное улучшение человеческих способностей, социальных результатов и качества жизни» [Converging Technologies..., 2002, p. 1–13].

По мнению президента НИЦ «Курчатовский институт» М. В. Ковальчука, NBIC-конвергенция составляет основу современного технологического уклада и означает смену отраслевых и интегрированных отраслевых технологий надотраслевыми (базовыми) технологиями. Ученый связывает современный этап конвергентного развития с участием в нем социогуманитарных наук и соответствующим превращением НБИК в НБИКС: «Привлечение гуманитарных технологий дает нам право говорить о создании новой конвергентной НБИКС-технологии, где “С” — это социальные гуманитарные технологии» [Ковальчук, 2011, с. 21]. Данный подход разделяют участники круглого стола, организованного журналом «Вопросы философии», полагая, что в аббревиатуре НБИКС особенно важна буква «С», поскольку она означает «социогуманитарные технологии» [Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий..., 2012, с. 3–23].

Таким образом, при выявлении специфики NBIC-конвергенции многие исследователи подчеркивают необходимость придать ей социальное и гуманитарное измерение. При этом наблюдается определенное разночтение в трактовке этой составляющей: гуманитарные технологии – гуманитарные технологии – социогуманитарные технологии. Несомненно, что каждая из этих технологий обладает своей спецификой, но есть то общее, что их объединяет — homo, humanus (от *лат.*: человек, человеческий).

Гуманизм (*studia humanitatis*), как известно, становится ведущим идейным течением в эпоху Возрождения. В этот период человек трактуется уже не просто как микрокосм (Античность) или как образ и подобие Бога (Средневековье), а как уникальное существо, способное творить самого себя и окружающий мир (человек — со-творец Бога). Так, эту мысль отчетливо выразил итальянский гуманист Джованни Пико делла Мирандола в своей «Речи о достоинстве человека». Бог, поставив человека в центр мира, заявляет: «Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь». Истинно человеческое состояние есть результат осуществления заложенных в человеке возможностей к совершенствованию. Человек обладает множеством достоинств, но главное из них заключается «в многообразном деянии рук и ума» [Пико делла Мирандола, 2001, с. 267].

Гуманистическая традиция получила развитие в европейской и русской философской мысли. Появляются различные толкования гуманизма:

религиозный и светский, марксистский (социалистический) и либеральный и т. д. Но суть остается прежней. Классический, или традиционный, гуманизм как мировоззрение признает человека высшей ценностью, утверждая его достоинство, свободное гармоничное развитие его интеллектуальных и духовно-нравственных качеств. Соответственно, гуманность рассматривается как система установок личности по отношению к другим людям на основе нравственных норм и ценностей, уважения к человеческой личности.

Диалектика гуманизма, согласно Н. А. Бердяеву, такова, что самоутверждение человека приводит к его отрицанию: формируется антигуманизм [Бердяев, 1994, с. 324]. Но критика гуманизма не всегда означает отказ от этой концепции. Как сегодня заявляют ее сторонники, речь идет об обновлении, «усовершенствовании» гуманизма в связи с эволюцией человека, особенно в связи с развитием техники и технологии. Так появляется трансгуманизм, постгуманизм, техногуманизм, неогуманизм, метагуманизм и т. д. [Soper, 1986; Britt, 2021, p. 51–111; Mercer, Troth, 2021, p. 19–62].

Западные исследователи, как правило, рассматривают гуманизм с позиции инструментальной целерациональности и полагают, что гуманитарные технологии должны быть направлены на повышение производительности человека, достижение эффективности в работе, успеха в бизнесе за счет увеличения потенциала организма, усовершенствования мозга, генетической модификации, внедрения искусственного интеллекта и т. д., то есть речь идет о преобразовании человека, раскрытии его «постчеловеческих» возможностей, совершенствовании когнитивных, сенсорных способностей и внешнего вида. Именно в этом они видят гуманистическую направленность NBIC-технологий [Converging Technologies..., 2002, p. 13–23; Gordijn, 2006, p. 726–732; Sylvester, 2022, s. 3–4]. Таким образом, введение социогуманитарных и/или гуманитарных технологий в число конвергирующих не решает проблему их гуманности.

Сформировались разные подходы, в рамках которых разрабатываются перспективы эволюции, а по сути трансформации человека и превращения его в постчеловека [Bratlie, Kvale, 2020, p. 65–118; Almécija, 2023, p. 390–450].

Ряд исследователей считают, что преобразование человека может осуществляться в рамках его биологической, органической природы. С помощью научных и технических достижений можно существенно расширить возможности человеческого тела, его интеллектуального и эмоционального потенциала и в конечном итоге избавить человека от старения и смерти. В этой связи нельзя не вспомнить пророческие мечтания русского мыслителя Н. Ф. Федорова, который полагал, что наука и техника достигнут такого уровня развития, когда можно будет говорить о физическом воскрешении человека (а не просто трансцендентном мистическом воскресении, что следует из христианского богословия) и возвращении к преображенной жизни прошлых поколений [Федоров, 1906, с. 195]. Его взгляды получили развитие в иммортологии, сторонники которой возлагают большие надежды на крионику как технологию сохранения в состоянии глубокого охлаждения людей в надежде на то, что

в будущем их удастся оживить (реанимировать). В современном мире появляются новые мегатренды, направленные на апгрейд организма человека. Одним из них является биотехнологическое общественное движение «самостоятельная биология», или биология «сделай сам» (DIY-биология). Ученые, обладающие профессиональными знаниями, инновационными методами, приборами и инструментами, выступают в качестве наставников «самодельных» биологов, то есть теми, кто хочет оптимизировать работу своего организма посредством экспериментов, но не владеет специальными научными знаниями. С DIY-биологией тесно связана субкультура (сообщество) независимых энтузиастов-любителей в области молекулярной биологии — биохакинг, цель которого «взломать» свой организм и получить контроль над системами своего тела [Spencer, 2014; Эспри, 2018; Sylvester, 2019]. Новый образ жизни, предлагаемый сторонниками биохакинга, стал возможен благодаря развитию конвергентных технологий: открытие генома, новых медицинских препаратов, исследование клетки, получение новых продуктов (например, коллагена). Но подобного рода перезагрузка жизни зачастую осуществляется опасными, не до конца изученными методами (ксенонотерапия, плазаферез и т. д.), что ведет не к увеличению срока жизни человека, а наоборот. В целом проекты радикальной перестройки природы человека, улучшения его рефлексов, генотипа свидетельствуют об имеющем место быть восприятии личности как вещи, свойства которой можно менять в соответствии с индивидуальными представлениями о совершенстве.

Современные исследователи достаточно активно обсуждают проблему переноса личности на искусственный носитель [Graziano, 2021, p. 251]: на смену органической жизни и естественного отбора может наступить эра неорганической жизни. Небиологическая часть будет превалировать, а биологическая потеряет свое значение. Робот, аватар (голограмма), искусственный интеллект — таковы перспективы человека. В XX веке проводником этой идеи стал трансгуманизм. Сегодня это движение существенно расширяет свои границы и приобретает международный характер, объединяя сторонников в США, России, Китае, Южной Корее и других странах. Представители трансгуманизма полагают, что с помощью достижений генной инженерии, компьютерных, информационных и нанотехнологий, воздействуя на генную и нервную систему человека и заменяя ряд органов на искусственные, можно сначала значительно увеличить продолжительность человеческой жизни, а в будущем — сделать ее бессмертной. Но, «если биологическая часть вдруг исчезнет, это не будет иметь значения, поскольку небиологическая часть уже полностью ее поняла», — заявил в докладе на тему «Бессмертие к 2045 году» Рэймонд Курцвейл, футуролог, директор по техническим разработкам корпорации Google [Кунэ, Тучина, 2013]². Трансгуманизм находит реализацию в стратегическом

² Кунэ Р., Тучина М. Обзор. Второй Международный конгресс «Глобальное будущее 2045». Нью-Йорк, 2013 [Электронный ресурс] // Интернет-сообщество «Россия 2045». URL: <http://www.2045.ru/news/32081.html> (дата обращения: 10.08.2023).

общественном движении «Россия 2045» (за рубежом это движение известно как «Инициатива 2045»), которое на сегодняшний день объединяет ученых в области мировой нейронауки и робототехники, философов, футурологов, известных общественных и духовных деятелей, в том числе представителей религиозных конфессий — христианства, индуизма, буддизма, иудаизма. В рамках движения «Россия 2045» разработан мегапроект «Аватар», который, опираясь на развитие андронидной робототехники, интерфейсов «мозг – компьютер», когнитивных нейропротезов, моделирования мозга, переноса индивидуального сознания человека на небиологический (искусственный) субстрат и т. п., рассматривается как начало эпохи кибернетического бессмертия³. Реализация этого проекта должна привести к созданию технологии («телоголограммы»), позволяющей передачу личности индивида к более продвинутому небиологическому носителю. Сознание, отделенное от органической основы и избавленное от всех биологических и телесных ограничений, будет свободно перемещаться по киберпространству.

Следует предположить, эти и другие подобные проекты биотехнологического вмешательства в природу человека лишь начало экспериментов по «улучшению человека», выходу его «за пределы».

В конце 2022 года компания OpenAI представила миру многофункциональный чат-бот ChatGPT с искусственным интеллектом (ИИ), который уже умеет программировать, понимать контекст и смысл запроса, обрабатывать большие массивы текстовых данных. Нейросеть ChatGPT может вести диалог с собеседником: отвечать на вопросы, давать советы и объяснять сложные понятия. Кроме того, чат-бот умеет искать баги в коде, создавать дипфейки, сочинять стихи, придумывать сценарии и генерировать учебные и научные труды на разные темы. Популярный чат-бот OpenAI набирает высокие баллы во многих академических тестах и может правильно решать сложные задачи, которые, как считается, требуют более продвинутого интеллекта, чем системы ИИ, созданные ранее [ChatGPT and Business..., 2023, p. 6–55, 244–255]. Сегодня насчитывается уже более тысячи разнообразных нейросетей, способных генерировать тексты, видео и создавать изображение по текстовым запросам, распознавать речь и осуществлять перевод текста, имитируя человеческую речь и т. д. Пока еще они являются помощниками человека, но что будет завтра...

Человечество стоит на пороге нового эволюционного шага, когда под воздействием технологий оно сможет измениться как вид, преобразиться не только физически, но и духовно, тем самым обеспечив выживание и развитие цивилизации: на смену человеку разумному приходит «технологизированный человек разумный» [Аршинов, 2012, с. 60–72; Алексеева, Аршинов, Чеклецов, 2013, с. 12–21]. Обеспокоенность будущим человека и человечества выражают не только

³ Международный проект «Аватар». Январь, 2014 [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Наш город». URL: <https://nashgorod.ru/news/2014-01-15/mezhdunarodnyy-proekt-avatar-2125208> (дата обращения: 10.08.2023).

философы, психологи, социологи, но и проводники современных технологических трансформаций. К. Шваб, разработчик концепции «Индустрии 4.0» полагает, что интеграция технологий будет воздействовать на наше представление об идентичности и может привести к снижению некоторых из наиболее существенных способностей человека, таких как самоанализ, эмпатия и сострадание [Шваб, 2018, с. 78]. В марте 2023 года в Интернете появилось Открытое письмо Pause Giant AI Experiments, подписанное сотнями ведущих экспертов по ИИ, технических предпринимателей и ученых, среди которых И. Маск, С. Возняк и др. Авторы письма полагают, что ИИ создает серьезные угрозы для человечества, и призывают ввести мораторий на разработку и тестирование технологий ИИ более мощных, чем конкретная языковая модель OpenAI GPT-4 для снижения опасности, которую они могут представлять. Подчеркивается, что в этом должны быть заинтересованы и разработчики систем ИИ, и государственные структуры⁴. В этом послании выражена идея поиска консенсуса, благодаря которому появляется реальная возможность диалога между гуманистами и их критиками о дальнейших путях развития конвергентных технологий.

Заключение

«Человек — это тростинка, самое слабое в природе существо, но эта тростинка мыслящая», — мудро заметил Блез Паскаль. Чтобы сохранить человеческие качества, обеспечить свое гуманное будущее, именно человек должен находить пути решения вновь возникающих проблем. В связи с этим возрастает необходимость дальнейшего глубокого и всестороннего анализа возможных последствий и перспектив выживания человека в бурный технологический век, поиска консенсуса в решении проблемы сверхинтенсивного развития современных инновационных технологий: разработка и принятие правовых и этических механизмов, направленных на регулирование конвергентных технологий как на международном, так и на государственном уровне; осуществление социальной и гуманитарной экспертизы научно-технологического развития, привлечения к гуманитарной экспертизе специалистов и разработчиков технологий, ученых, политиков, а также широкой общественности. Важная роль в преодолении тенденций дегуманизации технологизированного общества принадлежит образованию как организационно-коммуникативному процессу обучения и воспитания целостной личности [Skorodumova, Matronina, Koval, 2015, p. 283–284]. Качественное образование сегодня возможно на основе максимального использования индивидуальных творческих возможностей человека, выявления и развития его способностей к самообразованию и самообучению как основной ценностной установки.

⁴ Pause Giant AI Experiments: An Open Letter. [Электронный ресурс] // Future of Life Institute. March 22, 2023. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (дата обращения: 10.08.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ласло Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен). М.: Тайдекс Ко, 2004. 208 с. (Библиотека журнала «Экология и жизнь». Серия «Устройство мира»).
2. Розин В. М. Эволюция инженерной и проектной деятельности и мысли. Инженерия: становление, развитие, типология. М.: ЛЕНАНД, 2014. 200 с.
3. Добренков В. И., Кравченко А. И. Технологические вызовы: монография. М.: Русайнс, 2018. 416 с. (Серия «История социологии: методологические поиски и теоретические решения»).
4. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции / пер. с англ. К. Ахметова и др. М.: Бомбора, 2018. 317 с.
5. Hockfield S. The Age of Living Machines: How Biology Will Build the Next Technology Revolution. W.W. Norton & Company, 2019. 256 p.
6. Лекторский В. А. Технологизация науки как экзистенциальный вызов [Электронный ресурс] // Наука как общественное благо: сб. тезисов: в 7 т. / науч. ред. и сост. Л. В. Шиповалова, И. Т. Касавин. Т. 7. М.: Русское общество истории и философии науки, 2020. 68 с. С. 8–9. URL: <http://rshps.ru/books/congress2020t7.pdf> (дата обращения: 10.08.2023).
7. Марков Б. В. Человек в сетевом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 2. С. 194–207. DOI: 10.21638/spbu17.2021.201
8. Антропомерность как вызов и ответ современности: колл. монография / отв. ред. В. Г. Буданов. Курск: Университетская книга, 2022. 309 с.
9. Леонгард Г. Технологии против человека / пер. с англ. А. О. Юркова и др. М.: АСТ, 2018. 320 с.
10. Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science (NBIC) / Eds. M. C. Roco, W. S. Bainbridge [Электронный ресурс] // Converging Technologies for Improving Human Performance, 2002, June / Eds. M. C. Roco, W. S. Bainbridge. P. 1–23. URL: https://www.cuttingthroughthematrix.com/articles/NBIC_pre_publication.pdf (дата обращения: 10.08.2023).
11. Ковальчук М. В. Конвергенция наук и технологий — прорыв в будущее [Электронный ресурс] // Российские нанотехнологии. 2011. Т. 6. № 1–2. С. 13–23. URL: <https://www.nanonewsnet.ru/articles/2011/konvergentsiya-nauk-tekhnologii-proryv-v-budushchee> (дата обращения: 10.08.2023).
12. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 3–23.
13. Пико дела Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Антология мировой философии: Возрождение. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 265–274.
14. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире (К пониманию нашей эпохи) // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 318–363.
15. Soper K. Humanism and Anti-Humanism. London: Hutchinson, 1986. 159 p. [Электронный ресурс] // Posthumanism: [сайт]. URL: <https://posthumanism.com> (дата обращения: 10.08.2023). DOI: 10.1007/bf02206738
16. Britt Ch. Humanism in an Age of Anti-humanism // Britt Ch., Subirats E. Intellectuals in the Society of Spectacle. Publisher Palgrave Macmillan Cham, 2021. P. 51–111. DOI: 10.1007/978-3-030-73106-9_2

17. Mercer C., Troth T. J. Religion and the Technological Future: An Introduction to Biohacking, Artificial Intelligence, and Transhumanism. Palgrave Macmillan, 2021. 284 p.
18. Gordijn B. Converging NBIC Technologies for Improving Human Performance: a Critical Assessment of the Novelty and the Prospects of the Project // Law, Medicine & Ethics. 2006. Winter; № 34 (4). P. 726–732. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/17199814/> (дата обращения: 10.08.2023). DOI: 10.1111/j.1748-720X.2006.00092.x
19. Sylvester S. BioHacking für Unternehmer: Mit der 110 % Methode zur High Performance. Tolino media. 2022. 396 s.
20. Bratlie S., Kvale H. Fremtidsmennesket — hva den bioteknologiske revolusjonen betyr for deg. Kagge, 2020. 206 p.
21. Almécija S. Humans: Perspectives on Our Evolution from World Experts. Columbia University Press, 2023. 520 p.
22. Федоров Н. Ф. Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова / под ред. В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Т. 1. Верный, 1906. 473 с.
23. Spencer M. What is biohacking and why should we care? // Science. 2014. Sep 23 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pbs.org/newshour/science/biohacking-care> (дата обращения: 10.08.2023).
24. Эспри Д. Биохакинг мозга. Проверенный план максимальной прокачки вашего мозга за две недели. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 272 с.
25. Graziano M. S. A. Rethinking Consciousness: A Scientific Theory of Subjective Experience. WW Norton & Company, 2019. 256 p.
26. ChatGPT and Business, Changing the Game. Revolutionizing Customer Success. Book 1. AI and Business Book Series, 2023. 257 p.
27. Аршинов В. И. «Сетевой путь» современной нано-техно-научной практики // Постнеклассические практики и социокультурные трансформации. М., 2009. С. 60–72.
28. Алексеева И. Ю., Аршинов В. И., Чеклецов В. В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 12–21.
29. Skorodumova O. B., Matronina L. F., Koval T. I. Anthropological risks of the information society // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6, № 33. P. 279–285. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s3p295

References

1. Laslo, E. (2004). *Macrosift (Toward the stability of the world by the course of change)*. Moscow: Tindex Ko, 208 p. (In Russian).
2. Rozin, V. M. (2014). *The evolution of engineering and design activities and thought. Engineering: formation, development, typology*. Moscow: LENAND. 200 p. (In Russian).
3. Dobrenkov, V. I., & Kravchenko, A. I. (2018). *Technological challenges: monograph*. Moscow: Rusajns. 416 p. (In Russian).
4. Shvab, K. (2018). *Technologies of the fourth industrial revolution*. Moscow: Bombora. 317 p. (In Russian).
5. Hockfield, S. (2020). *The Age of Living Machines: How Biology Will Build the Next Technology Revolution*. W.W. Norton & Company. 256 p.
6. Lektorsky, V. A. (2020). *Technologization of science as an existential challenge*. In: Shipovalova, L. V., & Kasavin, I. T. (Scientific Ed. and Comp.). *Science as a public good*

(Vol. 7, 8–9). Collection of theses: In 7 vols. Moscow: Russian Society for the History and Philosophy of Science. (In Russian). Retrieved from: <http://rshps.ru/books/congress2020t7.pdf>

7. Markov, B. V. (2021). Man in a network society. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology*, 3, 2, 194–207. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.201>

8. Budanov, V. G. (Ed.). (2022). *Anthropomerism as a challenge and response of our time*. A collective monograph. Kursk: University Book. 309 p. (In Russian).

9. Leonhard, G. (2018). *Technology against man*. Translated from the English by A. O. Yurkov et al. Moscow: AST. 320 p. (In Russian).

10. Roco, M. C., & Bainbridge, W. S. (Eds.). (2002). Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science (NBIC). In: Roco, M. C., & Bainbridge, W. S. (Eds). *Converging Technologies for Improving Human Performance*, 2002, June (pp. 1–23). Retrieved from: https://www.cuttingthroughthetmatrix.com/articles/NBIC_pre_publication.pdf

11. Kovalchuk, M. V. (2011). Convergence of sciences and technologies — a breakthrough into the future. *Russian Nanotechnologies*, 6, 1–2, 13–23. (In Russian). Retrieved from: <https://www.nanonewsnet.ru/articles/2011/konvergentsiya-nauk-technologii-proryv-v-budushchee>

12. Convergence of biological, information, nano- and cognitive technologies... (2012). Convergence of biological, information, nano- and cognitive technologies: a challenge to philosophy (Materials of the “round table”). *Questions of Philosophy*, (12), 3–23. (In Russian).

13. Pico della Mirandola, Dzh. (2001). *Speech on the Dignity of Man*. *Anthology of World Philosophy: Renaissance*. Minsk: Harvest; Moscow: AST, 265–274. (In Russian).

14. Berdyaev, N. A. (1994). The fate of man in the modern world (Toward an understanding of our era). In: Berdyaev N. A. *Philosophy of the free spirit* (pp. 318–363). Moscow: Respublika. (In Russian).

15. Soper, K. (1986). *Humanism and Anti-Humanism*. London: Hutchinson. 159 p. Retrieved from: <https://posthumanism.com>; <https://doi.org/10.1007/bf02206738>

16. Britt, Ch. (2021). Humanism in an Age of Anti-humanism. In: Britt, Ch., & Subirats, E. *Intellectuals in the Society of Spectacle* (pp. 51–111). Publisher Palgrave Macmillan Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-73106-9_2

17. Mercer, C., & Troth, T. J. (2021). *Religion and the Technological Future: An Introduction to Biohacking, Artificial Intelligence, and Transhumanism*. Palgrave Macmillan. 284 p.

18. Gordijn, B. (2006, Winter). Converging NBIC Technologies for Improving Human Performance: a Critical Assessment of the Novelty and the Prospects of the Project. *Law, Medicine & Ethics*, 34 (4), 726–732. Retrieved from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/17199814/> (assessed: 10.08.2023). <https://doi.org/10.1111/j.1748-720X.2006.00092.x>

19. Sylvester, S. (2022). *BioHacking für Unternehmer: Mit der 110 % Methode zur High Performance*. Tolino media. 396 p.

20. Bratlie, S., & Kvale, H. (2020). *Fremtidsmennesket — hva den bioteknologiske revolusjonen betyr for deg*. Kagge. 206 p.

21. Almécija, S. (2023). *Humans: Perspectives on Our Evolution from World Experts*. Columbia University Press. 520 p.

22. Fedorov, N. F. (1906). *Philosophy of the common cause. Articles, thoughts and letters of Nikolai Fedorovich Fedorov*. Edited by V. A. Kozhevnikov, & N. P. Peterson. Vol. I. Verny. 473 p. (In Russian).

23. Spencer, M. (2014). What is biohacking and why should we care? *Science*, Sep., 23. Retrieved from: <https://www.pbs.org/newshour/science/biohacking-care>
24. Espri, D. (2018). Brain biohacking. A proven plan for the maximum pumping of your brain in two weeks. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publishing House. 272 p. (In Russian).
25. Graziano, M. S. A. (2019). Rethinking Consciousness: A Scientific Theory of Subjective Experience. WW Norton & Company, 256.
26. ChatGPT... (2023). *ChatGPT and Business, Changing the Game. Revolutionizing Customer Success: Book 1. AI and Business Book Series*. 257 p.
27. Arshinov, V. I. (2009). “Network way” of modern nano-techno-scientific practice. *Post-non-classical practices and sociocultural transformations* (pp. 60–72). Moscow. (In Russian).
28. Alekseeva, I. Yu., Arshinov, V. I., & Chekletsov, V. V. (2013). “Techno-people” against “post-people”: NBICS-revolution and the future of man. *Questions of Philosophy*, 3, 12–21. (In Russian).
29. Skorodumova, O. B., Matronina, L. F., & Koval, T. I. (2015). Anthropological risks of the information society. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6, 33, 279–285. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s3p295>

Информация об авторах / Information about the authors

Матронина Лилия Федоровна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры комплекса гуманитарных дисциплин Российского государственного социального университета, Москва, Россия.

Matronina Liliya Fedorovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of the Complex of Humanitarian Disciplines, Russian State Social University, Moscow, Russia.

lmatronina@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-9045-5764>

Скородумова Ольга Борисовна — доктор философских наук, профессор кафедры комплекса гуманитарных дисциплин Российского государственного социального университета, Москва, Россия.

Skorodumova Olga Borisovna — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of the Complex of Humanitarian Disciplines, Russian State Social University, Moscow, Russia.

4obsel@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8962-0155>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научно-публицистическая статья

УДК 1(165)

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.6

СПЕЦИФИКА МЕТОДА ПОЗНАНИЯ И. КАНТА

Кучеренко А. В.

Курская академия государственной и муниципальной службы,

Курск, Россия,

kucherenkoav@yandex.ru

Аннотация. Для рассмотрения специфики метода познания Канта выбран такой прием формальной логики, как дихотомия. С его помощью раскрывается принципиальная основа представления философа о процессе познания всего разнообразия объектов существующей действительности. Дихотомия активно и плодотворно используется самим философом, позволяет ему наиболее отчетливо и полно отразить диалектику познавательной деятельности, существующей на априорном уровне. Как хорошо известно, у Канта присутствует изобилие понятий, используемых им для характеристики деятельности нашего сознания; в статье выделяются лишь наиболее значимые из них. Кант, опираясь на наиболее общее представление, отраженное в данных понятиях, и последовательно придерживаясь дедукции, присоединяет к ним великое множество более частных, служащих ему для всестороннего раскрытия своей мировоззренческой системы.

Ключевые слова: вещь сама по себе, явление, вещь в себе, форма, материя

Для цитирования: Кучеренко А. В. Специфика метода познания И. Канта // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 4 (48). С. 71–80. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.6

Scientific and journalistic article

UDC 1(165)

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.6

THE SPECIFICS OF I. KANT'S METHOD OF COGNITION

Alexander V. Kucherenko

Kursk Academy of State and Municipal Service,

Kursk, Russia,

kucherenkoav@yandex.ru

Abstract. To consider the specifics of Kant's method of cognition, such a method of formal logic as dichotomy is chosen. With its help, the fundamental basis of the philosopher's idea of the process of cognition of the entire variety of objects of existing reality is revealed. The dichotomy, actively and fruitfully used by the philosopher himself, allows him to most clearly and fully reflect the dialectic of cognitive activity existing at the a priori level. As is well known, Kant has an abundance of concepts used by him to characterize the activity of our consciousness; the article highlights only the most significant of them. Kant, relying on the most general idea reflected in these concepts, and consistently adhering to deduction, attaches to them a great many more particular ones that serve him for the comprehensive disclosure of his worldview system.

Keywords: a thing in itself, a phenomenon, a thing in itself, a form, a matter

For citation: Kucherenko, A. V. (2023). Specifics of I. Kant's method of cognition. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (48), 71–80. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.48.4.6>

Соотношение методов формальной логики и трансцендентального идеализма И. Канта

Все основные приемы формальной логики с учетом их особенностей, причем вполне самостоятельно и обособленно в своем специфическом виде, должны быть использованы при анализе творчества Канта. В каждом случае они выступают особым инструментом исследования, дающим определенный срез кантовской мировоззренческой системы, одновременно сохраняя в центре внимания свою форму при наполнении ее конкретным содержанием.

Для раскрытия самого общего представления о содержании метода познания Канта в его трансцендентальном идеализме наиболее привлекательным представляется использование такого приема формальной логики, как дихотомия (деление целого на две противоположные части при исчерпании объема понятия). Тут же возникают вопросы: не является ли этот выбор инструмента исследования творчества знаменитого философа произволом с навязыванием чего-то совершенно несвойственного его мировоззренческой системе? Не является ли само мышление Канта дихотомичным, отражающим диалектику процесса познания при активном использовании им «противовесов»?

Кантовская парадигма в теории познания

В отправной точке всех рассуждений Канта о познании существующей действительности (имеющей внешнее отношение к самому процессу познания) мы можем найти две противоположные стороны в его общей концепции. Они нашли отражение в сочетании двух понятий: вещь в себе [Кант, 1964, с. 89] (выступает иногда как вещь сама по себе [Кант, 1964, с. 149], или внешняя вещь [Кант, 1964, с. 102, 743] в контексте обозначения всего лишь объекта познания) и явление [Кант, 1964, с. 89]. Вещь сама по себе навсегда останется для нас вещью в себе в бесконечной перспективе ее познания.

В кантоведении существует дискуссия «о вещи самой по себе, непознаваемости которой представляет одну из главных проблем с точки зрения исследователей Канта» [Зильбер и др., 2021, с. 10].

Вещь в себе понимается как бездонный процесс постижения вещи самой по себе, внешней вещи; бездонность, при которой мы никогда не достигнем тождества мышления и бытия вещи, как в исчерпывающе глобальном, так и в каждом конкретном случае относительно любого объекта познания, присутствующего (в первую очередь) в природе. Для такого состояния разобщенности сознания и бытия действительности Кант приводит целый ряд аргументов; их рассмотрение составляет отдельную тему для исследования.

Явление представляет собой не что иное, как сконструированные в нашем сознании чувственные и рациональные формы познавательной деятельности (восприятие, представление, понятие, суждение и умозаключение), непосредственно или опосредованно связанные с объектом познания.

В принципе, это может быть как любой объект природы, так и сам человек, осмысливающий себя, создающий о себе какое-то мнение, — в данном случае он выступает для самого себя вещью самой по себе (внешней по отношению к процессу познания) и одновременно вещью в себе. То, что думает о себе человек, есть лишь явление ему самого себя, созданное с помощью априорных форм в ограниченном объеме имеющихся на настоящий момент эмпирических данных в узких рамках жизненного опыта, способных к тому же достаточно произвольно интерпретироваться [Кант, 1964, с. 150, 487, 491]. Исходя из этого, можно смело сказать любому человеку: «Ваше мнение о себе в значительной степени ошибочно».

Явление, в свою очередь, распадается далее на два значения, где одно из них — совокупность априорных форм, а другое — материя, — «эти два понятия (материя и форма. — *А. К.*) лежат в основе всякой другой рефлексии» [Кант, 1964, с. 318]. Если говорить о дихотомии в отношениях между априорными формами с учетом их противоположного содержания, то она там не просто присутствует, — там она царствует.

Обратимся к представлению Канта о материи. «То в явлении, что соответствует ощущениям, я называю его материей» [Кант, 1964, с. 128]. Наши представления о материи изменчивы, но эта изменчивость протекает на фоне

постоянно присутствующих в нас априорных форм, стабильно работающих с непостоянной материей [Кант, 1964, с. 102]. Таким образом, при соотношении формы и материи Кант использует дихотомию «изменчивость – постоянство». Представление о самой материи и ее свойствах создается благодаря априорным формам, то есть оно производно, зависимо от априорности (дихотомия «причина – следствие») [Кант, 1964, с. 116]. Четкое разделение на априорную форму и материю (с привязкой понятия материи к ощущению). Критики чистого разума. Ощущения упорядочиваются чистой формой, поскольку сами ощущения без априорного системообразующего принципа способны продемонстрировать не более чем хаос разрозненных мимолетных контактов с действительностью, неспособных сами по себе сложиться в цельное восприятие, представление и подвести затем к образованию понятия (в результате их сочетания между собой) при выделении общего свойства (признака) объекта.

Кант отрицает возможность иметь универсальный критерий истинности знания, так как он неизбежно будет содержать в себе противоречие, поскольку форма истины предполагает согласие разума с самим собой, но наличие такого согласия явно недостаточно в силу возможности (со)знания вступать в противоречие с рассматриваемым объектом [Кант, 1964, с. 160, 183]. Так, нами наблюдается вполне обыденное состояние, когда достаточно стройно и внутренне непротиворечиво построенное суждение оказывается ложным, имея вид добросовестного заблуждения или преднамеренного обмана. Здесь Кантом указывается на дихотомию формы и содержания знания, предполагающего безупречность формы в ходе рассуждений, основанных на поиске оснований, причинно-следственных связей, и ошибочность самого знания, построенного в полном согласии с формой. Следование форме образования знания еще не дает самой истинности знания, безразлично, касается это использования совокупности необходимых для этого форм априорной составляющей процесса познания или же соблюдения всех правил и законов формальной логики.

Для Канта «ощущение (как материя восприятия)» есть то, что «никак нельзя антиципировать» [Кант, 1964, с. 242]. Антиципировать (*лат. anticīpasiō* — предвосхищать), то есть заранее предвидеть степень интенсивности и качества ощущения. Ощущение возникает мгновенно и непосредственно лишь в данный момент, а степень его интенсивности может быть определена только в результате сопоставления с предшествующим ощущением при использовании априорных форм пространственно-временных созерцаний, поскольку «схватывание исключительно посредством ощущения наполняет только одно мгновение...» [Кант, 1964, с. 242]. Содержание же самих априорных форм пространственно-временных созерцаний и рассудка можно антиципировать, поскольку их качественно-количественные характеристики устойчивы, постоянно присутствуя в неизменном виде, «что всегда может быть дано в опыте *a posteriori*» [Кант, 1964, с. 242]. Материя в качестве ощущений делает возможным определение нашего местоположения в физическом

пространстве [Кант, 1964, с. 277], но для этого необходима предварительная связь априорных форм с ощущениями и их устойчивыми образованиями в восприятиях и представлениях, — если же происходит сбой в этом синтезе, то человек теряет ориентировку в физическом пространстве, оказываясь неспособным понять, где он в настоящий момент находится даже в ранее хорошо знакомом ему месте (состояние сознания, известное в медицине как «топографическая агнозия»)¹. Агнозия (от др.-греч. ἀ — отрицание + γνῶσις — знание) способна проявить себя не только в этом качестве, но и во всем спектре наших ощущений (зрительных, слуховых, осязательных, обонятельных и вкусовых) где причиной (помимо биологических аномалий в коре головного мозга)² присутствует диссонанс в слаженной работе априорных форм.

Явление — *phaenomenon*, т. е. нечто, постигаемое в результате опыта. В самом обобщенном виде «материя есть *substantia phaenomenon*» [Кант, 1964, с. 325], поскольку под материей можно понимать великое разнообразие всего того, с чем могут иметь и имеют дело априорные формы, а именно: ощущения, получаемые от действительности; эмоциональные переживания; комбинации с абстракциями в виде различных знаковых систем (цифр, научных и ненаучных символов, слов). В качестве материи априорные формы используют «понятия» [Кант, 1994, с. 130], когда мы сопоставляем между собой их отдельные значения, связываем в суждениях, определяем их содержание и объем. Априорные формы имеют дело не непосредственно с материей вещей вне нас в физическом пространстве (Кант постоянно упрекает в этом предшествующую философию и науку), а с ощущениями, полученными от их воздействия на нас при дальнейшем конструировании в процессе абстрагирования разнообразных причинно-следственных связей с использованием априорных форм. Попутно следует высказать суждение, согласно которому априорные формы первичны и по отношению к нашим эмоциям, поскольку эмоция возникает в результате первоначального и одновременного удержания в сознании двух значений вне друг друга — желаемого и действительного. Само желаемое возникает благодаря одновременному созерцанию того, что у нас есть, и того, чего у нас нет как вполне самостоятельных и независимых друг от друга значений благодаря априорной форме пространственного созерцания. Этот момент относится к ожиданию их совпадения (или несовпадения), а уже затем результат их реального последовательного сочетания (при сопровождении априорной формы созерцания во времени и рассудка) проявляется в виде эмоционального всплеска (положительного или отрицательного) как разрядки прежнего устойчивого эмоционального напряжения.

¹ Дезориентация (Расстройство топографической ориентировки, Топографическая агнозия) [Электронный ресурс] // Medtech24: [сайт] | Психические расстройства и феномены. URL: <http://medtech24.ru/articles/psihicheskie-rasstrojstva-i-fenomeny/dezorientaciia-rasstrojstvo-topograficheskoi-orientirovki-topograficheskaja-agnoziia/> (дата обращения: 10.08.2023).

² Агнозия [Электронный ресурс] // Клинический институт мозга. Уральский центр реабилитационной нейрореабилитации. URL: <https://www.neuro-ural.ru/patient/dictionary/ru/a/agnoziya.html#p7> (дата обращения: 15.08.2023).

Не минуют априорных форм и эстетические переживания. Испытание чувства «трогательности» (наряду с другими приятными ощущениями) присутствует в качестве «материи эстетического суждения» [Кант, 1994, с. 64].

Несколько спорным выступает суждение К. А. Матакова, что «понятие о материи соответствует вещам в себе, но это не значит, что вещь в себе материальна» [Матаков, 2023].

В понятие материи Кант вносит смысловую двойственность, — это «реальность в пространстве, то есть материя» [Кант, 1964, с. 395]; иначе говоря, это вещи как внешние объекты реальности, воздействующие на органы наших чувств (как вещи сами по себе). Их существование всегда оказывается обусловленным ближайшими причинами, но разум в регрессивном ряду требует нахождения безусловного как первоначала всей совокупности материи при ее охвате в исчерпывающей целостности. Дробление целого на части в регрессе способно было бы привести к исчезновению материи и в итоге осуществить «восхождение к безусловному» [Кант, 1964, с. 395]. Это второе значение материи присутствует и в других местах кантовского текста, в частности в рассуждении о морали [Кант, 1964, с. 436]. Присутствующая в природе «материя несовместима с идеей необходимой сущности» [Кант, 1964, с. 535], поскольку необходимая сущность не составляет с ней органичного единства, находясь за гранью материальной субстанции; отсюда им делается вывод о том, что доказать существование Бога через причинно-следственные отношения в границах опыта невозможно. На вопрос о возможности познания материи природы как чего-то внешнего по отношению к нам Кант отвечает, что «мы совершенно не знаем, что такое материя как вещь в себе» [Кант, 1964, с. 535], и потому вещь сама по себе навсегда останется для нас вещью в себе. Соотношение материи явления и внешней по отношению к нам материи вещей, существующей независимо от нас, проходит лейтмотивом в кантовских рассуждениях о процессе познания. Материя вне нас может существовать для нас только как ее отражение, то есть явление (в виде ощущений и созданных на их основе абстракций), преломляясь в нашем сознании, а не непосредственно, как она есть на самом деле.

Таким образом, отслеживая содержание понятия материи в «Критике чистого разума», сочетающегося с понятием априорной формы, мы отмечаем, что есть материя явлений, благодаря которой нам вещи даются через органы чувств, и непосредственно материя объектов природы, существующая в окружающем нас физическом пространстве [Кант, 1964, с. 102, 118, 246, 255]. Понятие неодоушевленной материи [Кант, 1994, с. 11] встречаем в «Критике способности суждения». Сопоставляя «законы рассудка» и «законы движения материи» [Кант, 1994, с. 27], Кант объединяет их категорией «необходимые» «для познания объектов вне нас» как «материальное (реальное)» [Кант, 1994, с. 30]. На странице 190 «Критики способности суждения» Кант рассуждает о переходных, подвижных состояниях материи (как вещества природы): жидкость, растворение в ней иного вещества, испарение, затвердевание,

строение, текстура, кристаллизация. Для характеристики резкого изменения состояния вещества он использует понятие «скачок» [Кант, 1994, с. 190]. У Канта присутствуют рассуждения о неживой и живой материи с сопутствующим отрицанием гилозоизма, а заодно и возможности появления живой материи из неживой [Кант, 1994, с. 233, 236]. Нельзя допустить, чтобы «из природы безжизненного могла возникнуть жизнь» [Кант, 1994, с. 266]. Рассуждая о родстве форм существования живой материи, Кант указывает на допущение породившей их общей материальной праматери [Кант, 1994, с. 260], действующей под руководством системообразующей и целеполагающей идеи разумного творца, имеющей «спонтанность причины» [Кант, 1994, с. 253], которая не может быть внутри самой самоорганизующейся материи. Содержание понятия праматери можно понимать в данном случае как праматерию, универсальной и первоначальной для всех живых существ. Свои представления о материи как физической субстанции Кант раскрывает более подробно в работе «Метафизические начала естествознания», где наука о природе, включающая «эмпирическое понятие материи» [Кант, 1966, с. 58], представляется метафизикой природы исходя из сочетания опытных данных о вещах и явлениях природы с априорной основой процесса познания. Само понятие пространства Кант делит на априорную форму созерцания и физическое пространство. О материи в физическом пространстве он высказывается следующим образом: «Материя есть подвижное в пространстве. То пространство, которое само подвижно, называется материальным или относительным пространством» [Кант, 1966, с. 69].

Что касается подвижности и неподвижности материи в физическом пространстве, интерес вызывает отмеченное Э. Гёргом расхождение во взглядах между И. Ньютоном и И. Кантом на представление об инерции материи, касающееся понятий «внутреннее» и «внешнее». Кант допускает только внешнюю причину для существования инерции, тогда как Ньютон указывает на сочетание у материального тела внутренней и внешней инерции, где внутренняя инерция представляет собой сопротивление материи тела поддаваться силе воздействия внешнего тела [Гёрг, 2022, с. 9]. Таким образом, использование формы априорного пространственного созерцания у Ньютона и Канта в данном случае допускает два вида инерции в дихотомии и одновременно дает нам пример антиномии.

Г. Штининг отмечает фундаментальное положение Канта, согласно которому «наука о природе» переходит у него в разряд «метафизика природы», поскольку само познание природы предполагает взгляд на природу сквозь призму априорных форм, где природа нам может являться только таким образом [Штининг, 2022, с. 46]. Отсюда все наши представления о природе есть явления.

Между двумя видами материи у Канта всегда сохраняется дистанция ввиду их качественного отличия, подобно расхождению между реальным цветком и его отражением в сознании.

Априорные формы статичны, неизменны и переплетены между собой в закономерных взаимоотношениях, их перечень ограничен, тогда как совокупность

разновидностей материи в физическом пространстве и совокупность качественно отличных друг от друга их восприятий с помощью органов чувств уходит в бесконечность.

Сознание имеет дело с объектом познания не непосредственно, а через активное взаимодействие «пустых» априорных форм чувственности и рассудка [Кант, 1964, с. 222, 223] с материей ощущений при создании всего разнообразия качественно отличных друг от друга представлений, хранящихся в объеме нашей памяти благодаря пространственному созерцанию.

Для наглядности приведу пример. Ни одно наше физическое действие (хотя бы изменение положения руки в реальном, эмпирически воспринимаемом нами физическом пространстве) не совершается без предварительной опоры на деятельность всей совокупности априорных форм (с органичным вхождением в этот процесс априорных форм пространственного созерцания и созерцания во времени). Любое движение животного совершается аналогично. Точки в реальном физическом пространстве первоначально воспринимаются как расположенные вне друг друга благодаря априорной форме пространственного созерцания, а затем они совмещаются между собой при сопровождении априорной формы созерцания во времени (предварительно в сознании до совмещения точек в реальном движении).

Что касается созерцания, то оно может быть активным и пассивным. Активное созерцание возникает при выборе решения между альтернативами. Пассивное созерцание присутствует при невольном удержании в нашей памяти накопленной информации, которой мы располагаем и с которой в любой момент почти мгновенно могли бы начать работу сознания (делать выводы из сопоставления жизненных обстоятельств, составлять суждения из имеющегося словарного запаса и т. п.)³.

Остановимся на рассмотрении только некоторых из них.

Кант отрицает возможность наличия у нас так называемого интеллектуального созерцания [Кант, 1964, с. 153], когда вещь становится как бы прозрачной во всей своей исчерпывающей целокупности исключительно для рассудочной деятельности, минуя связь с априорной чувственностью. При интеллектуальном созерцании не остается никаких неразрешенных вопросов и загадок как по отношению к отдельной вещи, так и ко всему объему мироздания исходя из принципа всеобщей взаимосвязи. Там, где присутствуют априорные формы чувственности, не может быть никакого интеллектуального созерцания, а наше сознание без него никогда не способно функционировать. Только первосущность, по мнению философа, способна обладать таким интеллектуальным созерцанием.

³ Одной из сторон трансцендентального метода познания Канта является совокупность запретов и ограничений, которые философ накладывает на возможность образования тождества между явлением нам вещи в нашем представлении о ней и вещью самой по себе [Кучеренко, 2023, с. 40].

Выводы

В качестве заключения можно сказать, что метод Канта раскрывает двойственность (дихотомичность) деятельности сознания на самых различных уровнях, как по вертикали, так и по горизонтали.

Процесс познания отражается у него в таких ключевых понятиях, как вещь сама по себе (всегда выступающая для нас вещью в себе) и явление, форма и материя, тогда как все остальные сопутствующие им значения (разновидности априорности, трансцендентальное и трансцендентное, феномен и ноумен) носят уточняющий и конкретизирующий характер. Познавательный процесс протекает у нас в отношениях между априорными формами чувственности (пространство, время), рассудка (идеи чистого разума, категории рассудка, две способности суждения) и материей в двух ипостасях.

Список источников

1. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 800 с.
2. Зильбер А. С. Рыцарь современной русской кантианы. К 85-летию Л. А. Калинникова / А. С. Зильбер, С. В. Луговой, В. С. Попова, А. Г. Пушкарский, В. А. Чалый // Кантовский сборник. 2021. Т. 40. № 2. С. 7–26. DOI: 10.5922/0207-6918-2021-2-1
3. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 5. М.: Чоро, 1994. 414 с.
4. Матаков К. А. Понятие вещи в себе у Канта [Электронный ресурс] // Портал Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2012/01/13/505> (дата обращения: 12.08.2023).
5. Кант И. Метафизические начала естествознания // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 53–176.
6. Гёрг Э. Инерция и пространство: Кант и Эйлер // Кантовский сборник. 2022. Т. 41. № 2. С. 7–41. DOI: 10.5922/0207-6918-2022-2-1
7. Штининг Г. От математической к критической метафизике природы. Ламберт и Кант // Кантовский сборник. 2022. Т. 41. № 2. С. 42–67. DOI: 10.5922/0207-6918-2022-2-2
8. Кучеренко А. В. Взаимосвязь формальной, диалектической и трансцендентальной методологий И. Канта // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 3 (47). С. 38–48. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.3

References

1. Kant, I. (1964). Criticism of pure reason. In: Kant I. *Essays: in 6 vols. Vol. 3*. Moscow: Mysl. 800 p. (In Russian).
2. Zil'ber, A. S., Lugovoj, S. V., Popova, V. S., Pushkarskij, A. G., & Chalyj, V. A. (2021). Knight of modern Russian Kantiana. To the 85th anniversary of L. A. Kalinnikov. *Kantian Journal*, 40 (2), 7–26. (In Russian).
3. Kant, I. (1994). Criticism of the ability of judgment. In: Kant I. *Essays: in 8 vols. Vol. 5*. Moscow: Choro. 414 p. (In Russian).
4. Matakov, K. A. (2023). Kant 's concept of a thing in itself. *Prose.ru*. (In Russian). Retrieved from <https://proza.ru/2012/01/13/505>

5. Kant, I. (1966). Metaphysical principles of natural science. In: Kant I. *Essays: in 6 vols. Vol. 6*, 53–176. Moscow: Mysl. (In Russian).
6. Gyorg, E'. (2022). Inertia and space: Kant and Euler. *Kantian Journal*, 41 (2), 7–41. (In Russian).
7. Shtining, G. (2022). From mathematical to critical metaphysics of nature. Lambert and Kant. *Kantian Journal*, 41 (2), 42–67. (In Russian).
8. Kucherenko, A. V. (2023). The relationship of formal, dialectical and transcendental methodologies I. Kant. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (47), 38–48. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.47.3.3>

Информация об авторе / Information about the author

Кучеренко Александр Владимирович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, социально-правовых и естественно-научных дисциплин Курской академии государственной и муниципальной службы, Курск, Россия.

Kucherenko Alexander Vladimirovich — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Socio-Legal and Natural Sciences, Kursk Academy of State and Municipal Service, Kursk, Russia.

kucherenkoav@yandex.ru

Обзорная статья

УДК 101.1

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.7

О ПОНЯТИЯХ «ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ» И «МЕРА»: КРАТКИЙ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ОБЗОР

Лакаев П. В.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

LakaevP@mgu.ru

Аннотация. Автор статьи рассматривает феномен экстремальности с точки зрения понятия «мера», используемого для определения количественного измерения характеристик или свойств объекта, или явления. Мера может использоваться для оценки степени отклонения объекта от среднего значения и установления пределов и границ, которые определяют ее экстремальность. Историко-философский обзор показывает, что разные философские традиции акцентируют внимание на различных аспектах феномена экстремальности. Конфуцианство рассматривает экстремальность как нарушение меры и угрозу для гармонии и благополучия человека и общества. Гераклит рассматривал меру как ритм и порядок, нарушение которых приводит к преобладанию одного над другим. Сенека предлагает научиться не бояться смерти через размышления о сущности экстремального. Лейбниц считает, что пределы, такие как экстремум, обладают метафизической необходимостью и являются объективными модальностями непрерывности. Гегель утверждал, что все вещи имеют свою меру, в пределах которой объект сохраняет свою качественную определенность. Превышение этой границы приводит к изменению качества. В данной статье предлагается оригинальный взгляд на понятие «мера» и ее связь с экстремальностью.

Ключевые слова: экстремальность, мера, предел, экстремум, экстремальные ситуации, экстремальные обстоятельства

Для цитирования: Лакаев П. В. О понятиях «экстремальность» и «мера»: краткий историко-философский обзор // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 4 (48). С. 81–88. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.7

© Лакаев П. В., 2023

Review article

UDC 101.1

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.7

**ON THE CONCEPTS OF “EXTREMITY” AND “MEASURE”:
A BRIEF HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL REVIEW****Pavel V. Lakaev**

Moscow City University,
Moscow, Russia,
LakaevP@mgpu.ru

Abstract. The author of the article considers the phenomenon of extremity from the point of view of the concept of «measure» used to determine the quantitative measurement of the characteristics or properties of an object or phenomenon. The measure can be used to assess the degree of deviation of an object from the average value and to establish limits and boundaries that determine its extremity. The historical and philosophical review shows that different philosophical traditions focus on various aspects of the phenomenon of extremity. Confucianism views extremity as a violation of the measure and a threat to the harmony and well-being of man and society. Heraclitus considered measure as a rhythm and order, the violation of which leads to the predominance of one over the other. Seneca suggests learning not to be afraid of death through thinking about the essence of the extreme. Leibniz believes that limits, such as extremum, have a metaphysical necessity and are objective modalities of continuity. Hegel argued that all things have their own measure, within which the object retains its qualitative certainty. Exceeding this limit leads to a change in quality. This article offers an original view on the concept of «measure» and its connection with extremity.

Keywords: extremity, measure, limit, extremum, extreme situations, extreme circumstances

For citation: Lakaev, P. V. (2023). On the concepts of “extremity” and “measure”: a brief historical and philosophical review. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (48), 81–88. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.48.4.7>

Введение

Экстремальность — феномен, встречающийся в различных сферах жизни и зависящий от особых обстоятельств и условий. В контексте философии и социологии экстремальность рассматривается в разных теориях и подходах, которые помогают понять ее природу и влияние на индивидуальное и коллективное существование. Рассмотрим подходы, которые представляют особый интерес при изучении экстремальности.

Первый подход основан на понятии меры, в котором исследователи используют разные методы и инструменты для измерения и анализа экстремальных явлений. Это помогает определить, насколько ситуации или обстоятельства

являются крайними, предельными или экстремальными в определенном контексте. Второй подход связан с понятием пограничных ситуаций в экзистенциализме. Пограничные ситуации — это экстремальные ситуации или переживания, которые заставляют человека почувствовать свою собственную смертность, свое бессилие перед непредсказуемостью мира. Эти ситуации могут включать близость к смерти, чувство безысходности, потерю смысла жизни и другие пограничные состояния. Экзистенциалисты утверждают, что пограничные ситуации помогают человеку осознать свою свободу и ответственность за свои действия. Третий подход — социологический, сторонники обращаются к социальным, экономическим и политическим факторам, которые могут привести к экстремальным ситуациям; анализируются социальные структуры и отношения, которые могут повлиять на поведение людей [Мапельман, 2023, с. 11].

В настоящей статье мы сосредоточимся на историко-философском обзоре первого подхода, в котором феномен экстремальности рассматривается через понятие меры.

Результаты исследования

Исходное понятие «экстремум» указывает на предельные состояния чего-либо и применяется в различных областях. Экстремумы рассматриваются как явления, которые ограничивают меру существования вещей. Понимание экстремума заключается в том, что определенная величина, отражающая состояние, процесс или структуру, достигает крайнего (минимального или максимального) значения. Превышение этих границ и значений приводит к потере сути и приобретению нового качества и нового существования, которое, если рассматривать пространство деятельности человека, может быть опасным и угрожающим для жизни.

Философы и социологи исследовали феномен экстремальности опосредованно, само это понятие относительно новое и не имеет четкого определения. Обычно изучали различные аспекты жизни, которые могут быть косвенно связаны с экстремальностью, такие как кризисы, конфликты, насилие и смерть. Ученые анализировали, как люди реагируют на эти ситуации и как эти ситуации влияют на общество в целом. Истоки изучения феномена экстремальности можно найти в различных философских и культурных традициях, например в конфуцианстве, где большое внимание уделяется гармоничному социальному устройству и взаимоотношениям между людьми, экстремальные события рассматриваются как неблагоприятные, которые могут нарушить гармонию в обществе и угрожать благополучию людей. В первую очередь это нарушение баланса между внутренней природой мира и его внешним проявлением. Ведь во всем, как говорил Конфуций, «должно существовать полное равновесие без малейшего преобладания, и тогда только деятельность человека

будет следовать правильным путем» [Конфуций, 2020, с. 17]. «Благородный муж» в конфуцианстве является примером для других людей, вдохновляя их своим поведением и мудростью. Он способен руководить другими, помогать им развиваться и справляться с трудностями. В трудные времена подобный идеал может служить фактором стабилизации общества, способствуя единству людей: «На вопрос Цзы-лу, что значит быть благородным человеком, Философ сказал: — “Исправлять самого себя, чтобы через это доставлять спокойствие людям (ближним)”» [Конфуций, 2020, с. 315]. Для Конфуция экстремальные ситуации были испытанием для мудрости и силы духа.

Одним из главных принципов конфуцианства является концепция умеренности, или золотой середины, которая основана на отстаивании умеренности и баланса во всех аспектах жизни. Конфуцианство призывает к избеганию чрезмерного восторга, гнева, страха или гордыни, а также к умеренности в потреблении. Это позволяет избегать радикальности и крайностей и достичь гармонии в обществе. «Больше слушай, будь сдержан, а когда возникает у тебя сомнение, говори об этом осторожно. Больше наблюдай, обходи опасное, а в остальном же будь осмотрителен» [Маслов, 2020, с. 12]. Для Конфуция развал отношений гармонии в Поднебесной — это «край», экстремальное состояние. Причина этого «сбоя», по мнению Конфуция, в несоответствии «между именем и сущностью, произносимым звуком и явлением, которое этот звук должен обозначать» [Маслов, 2020, с. 161]. Поэтому гармония для Конфуция связана с музыкой и в самом философствовании Конфуция много музыкальности, как и в его поведении: «Философ сказал: “Церемонии, говорят, да церемонии! А разве под ними разумеются только подарки (яшмы и шелка)? Музыка, говорят, да музыка! А разве под нею разумеются только музыкальные инструменты (колокола и барабаны)?”» [Конфуций, 2020, с. 371].

В античной философии категория меры имела центральное место для понимания мира. Она обозначала гармонию и порядок, без которых во Вселенной и в человеке наступает дисгармония и беспорядок. Знание о мере позволяло разуму восстановить гармонию, а также избегать крайностей. Гераклит видел меру как ритм и порядок, который пронизывает все — радость и горе, удачу и бедствие, человеческую жизнь и стихийные силы [История античной диалектики, 1972, с. 83]. Нарушение меры приводит к дисгармонии и преобладанию одной противоположности над другой. Вещи и процессы сменяются в определенных границах, и только следование мере и ее закону позволяет разуму преодолеть стихийность и неразумное. Согласно Гераклиту, мера существует в устройстве мира и имеет вечное присутствие: «Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся, мерно угасающий» [Лебедев, 1989, с. 217]. Протагор указывает, что человек является мерой всех вещей, подчеркивая связь между субъективным восприятием и объективным миром [Платон, 2007, с. 244]. По его убеждению, мерой истины служит индивидуальный опыт каждого человека. В контексте исследования феномена

экстремальности такой подход может помочь объяснить различия в отношении человека к ситуациям экстремального характера. Поскольку каждый человек обладает своей индивидуальной мерой истины, его субъективное восприятие может глубоко влиять на способность оценивать экстремальные обстоятельства. К примеру, один человек может воспринимать экстремальную ситуацию как чрезвычайно опасную и требующую активных действий для обеспечения безопасности, другой же человек может воспринимать ту же самую ситуацию как позитивный стимул для развития своих навыков. О связи сущности человека и экстремального размышлял Сенека, который утверждал, что в экстремальных обстоятельствах «мы боимся не смерти, а боимся наших мыслей о смерти» [Сенека, 1986, с. 80], хотя о том, что такое смерть, мы имеем отдаленное представление. Через философию Сенека хочет избавить человека от страха смерти, подготовить его к пребыванию в экстремальности: «нужно думать обо всем и укреплять дух против всего, что может случиться. Держи в мыслях ссылку, пытки, войны, болезни, кораблекрушенья. Случай может отнять у тебя родину и тебя — у родины, может бросить тебя в пустыню, может сделать пустыней место, где сейчас задыхаются в толпе. Пусть перед глазами у тебя будет все, что входит в человеческий удел. Будем предвосхищать в душе не то, что происходит часто, а худшее, что может произойти, если только мы не хотим пасть духом, поражаясь необычному как небывалому. Нужно иметь в виду все, что под силу фортуне» [Сенека, 1986, с. 202].

Новые идеи о характере и основополагающих принципах экстремальности были развиты на основе концепций Готфрида Лейбница и его учения о монадах и малых величинах. Характеристики предела, согласно Лейбницу, проявляются в различных формах, таких как состояния, моменты, точки, границы. Он отмечает, что эти пределы существуют объективно как модальности непрерывности исследуемого явления [Нарский, 1972, с. 86]. В связи с этим Лейбниц утверждает, что истинность понятий, например экстремума, обладает метафизической необходимостью. В своей монадологии Лейбниц также указывает на неизбежность радикальных изменений и переходов в качественных состояниях в процессах самоорганизации, вечно стремясь к совершенству и гармонии: «Всем простым субстанциям, или сотворенным монадам, можно бы дать название энтелехий, ибо они имеют в себе известное совершенство и в них есть самодовление, которое делает их источником их внутренних действий и, так сказать, бестелесными автоматами» [Лейбниц, 1982, с. 416]. И. С. Нарский, исследуя философию Лейбница, указывал на принцип максимума и минимума в его творчестве. Идея этого принципа заключается в том, что в мире существуют множество монад, которые образуют последовательность от бесконечно малых к бесконечному возрастанию. В этом ряду происходит согласование между монадами. Принцип максимума и минимума говорит о том, что минимальное количество сущности порождает максимальное количество существования. Природа стремится использовать минимум средств для достижения максимальных результатов. Этот принцип

применяется не только в онтологии и гносеологии, но и в других областях, таких как математика и физика. Он ориентирует нас на использование наименьшего количества приемов и законов для достижения наибольших результатов в познании [Нарский, 1972, с. 88].

Развитие научных представлений о характере и сущности экстремальности связано с философским подходом Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Хотя сам Гегель и не фокусировался специально на феномене экстремальности, но его метод анализа основных концепций, например качество, количество, движение и мера, помогает уловить сущность диалектических переходов. При изучении общих законов развития материи, мысли, природы и общества, Гегель исследовал всеобщие законы прогресса, которые также применимы для понимания резких изменений.

Гегель сделал значительный вклад в понимание категории меры и ее пределов. Он утверждал, что «все вещи имеют свою меру», то есть определенность в количественном выражении [Гегель, 1974, с. 216]. Мера является определенным количеством, связанным с наличным бытием или качеством. Бытие достигает своей завершенной определенности в мере: «Когда мы говорим о бытии, оно является сначала как что-то совершенно абстрактное и лишенное определений, но бытие существенно есть то, что состоит в самоопределении, и своей завершенной определенности бытие достигает в мере» [Гегель, 1974, с. 257–258]. Однако данная определенность имеет предел, нарушение которого приводит к изменению сущности объекта. Мера представляет собой интервал количественных изменений, в пределах которого объект сохраняет свою качественную определенность [Гегель, 1974, с. 257]. Качество и количество взаимосвязаны, и изменение одного из них приводит к изменению другого. Мера является правилом и определяет их соотношение. Например, изменение температуры воды может привести к изменению ее состояния (пар или лед). Количественные изменения имеют свою границу, за которой происходит изменение качества. Это применимо не только в природе, но и в практической, и в политической сфере. Процесс меры можно представить, по Гегелю, как бесконечный прогресс «снятия и самовосстановления меры в безмерном» [Гегель, 1974, с. 261]. Количество по своей природе выходит за свои пределы. Мера сохраняет эту свою природу. Когда наличное количество в мере превышает границу, меняется соответствующее ему качество. Гегель показал, что накопление количественных изменений отражает необходимые условия для скачка — перехода от одного качественного состояния к другому. Границы являются общими характеристиками организации бытия: «Скачок означает здесь качественное различие и качественное изменение, которые являются непосредственными, между тем как (количественная) постепенность представляется чем-то опосредствованным» [Гегель, 1974, с. 142]. Экстремальные изменения происходят в форме скачков. Поэтому понимание экстремальных процессов является важным и философская категория «скачок», разработанная Гегелем, отображает процесс перехода от старого к новому качеству, когда изменения выходят за пределы меры.

Заключение

Понятие меры в различных философских традициях имеет глубокое значение при анализе экстремальных явлений и феномена экстремальности в целом. В общем смысле мера — это концепт, используемый для определения количественного измерения характеристик или свойств объекта или явления. В контексте феномена экстремальности мера может использоваться для оценки степени отклонения объекта или явления от среднего значения, устанавливая пределы или границы, которые определяют их экстремальность. Границы меры неразделимы от границ явлений и процессов и определяются конкретным и определенным пределом, где происходят экстремальные изменения. Накопление количественных изменений создает условия для скачка — перехода от одного качественного состояния к другому. Понимание экстремальных процессов является важным, и категория «скачок», разработанная Гегелем, отображает процесс перехода от старого к новому качеству, когда изменения выходят за пределы меры. Представленный обзор является лишь небольшим вкладом в исследование этой темы. Однако категория меры в контексте феномена экстремальности требует более глубокого и всестороннего исследования, так как она имеет значительный потенциал для применения в таких областях знания, как философия, математика, физика, социология и т. д.

Список источников

1. Мапельман В. М. Морально-нравственные проблемы, порожденные исследованиями глобальных процессов и освоением космоса // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 3 (47). С. 8–22. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.1
2. Конфуций. Беседы и суждения. СПб.: СЗКЭО, 2020. 432 с.
3. Маслов А. Конфуций. Беседы с одиноким мудрецом. М.: РИПОЛ классик, 2020. 320 с.
4. История античной диалектики / Редколлегия: М. А. Дынник, З. А. Каменский, И. С. Нарский, В. В. Соколов. М.: Мысль, 1972. 335 с.
5. Лебедев А. В. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. 576 с.
6. Платон. Сочинения: в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Т. 2. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 626 с.
7. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. М.: Художественная литература, 1986. 543 с. (Библиотека античной литературы).
8. Нарский И. С. Готфрид Лейбниц. М.: Мысль, 1972. 239 с.
9. Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с.
10. Гегель Г. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1974. 454 с.

References

1. Mapelman, V. M. (2023). Moral problems generated by the research of global processes and space exploration. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (47), 8–22. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.47.3.1>

2. Konfutsii. (2020). *Conversations and judgments*. Saint Petersburg: SZKEO. 432 p. (In Russian).
3. Maslov, A. (2020). *Confucius. Conversations with a lonely sage*. Moscow: RIPOL klassik. 320 p. (In Russian).
4. Dynnik, M. A., Kamensky, Z. A., Narsky, I. S., & Sokolov, V. V. (Ed. board) (1972). *The History of Ancient Dialectics*. Moscow: Mysl'. 335 p. (In Russian).
5. Lebedev, A. V. (1989). *Fragments of Early Greek Philosophers*. Moscow: Nauka. 576 p. (In Russian).
6. Losev, A. F., & Asmus, V. F. (Eds) (2007). *Plato. Works. In 4 vol. Vol. 2*. Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko. 626 p. (In Russian).
7. Seneka, L. A. (1986). *Moral letters to Lucilius. Tragedies*. Moscow: Imaginative literature. 543 p. (Library of Ancient Literature). (In Russian).
8. Narskii, I. S. (1972). *Gottfried Leibniz*. Moscow: Mysl. 239 p. (In Russian).
9. Leibnits, G. V. (1982). *Works. In 4 vol. Vol. 1*. Moscow: Mysl. 636 p. (In Russian).
10. Gegel', G. (1974). *Encyclopedia of Philosophical Sciences. In 3 vol. Vol. 1: The Science of Logic*. Moscow: Mysl. 454 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Лакаев Павел Викторович — ассистент департамента философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Lakaev Pavel Viktorovich — assistant at the Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University, Moscow, Russia.

LakaevP@mgpu.ru

Научно-исследовательская статья

УДК 130.2

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.8

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Третьякова А. И.

Омский государственный университет путей сообщения,

Омск, Россия,

annatreyakova85000@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8233-3217>

Аннотация. Принято считать, что становление современного человека происходит в условиях глобализации. Современные глобализационные процессы обостряют вопросы о сохранении многообразия культурных традиций. Актуальность темы обусловлена социальным запросом на понимание перспектив сохранения культурного разнообразия как необходимой основы самоидентификации человека в глобализирующемся мире. Для понимания перспектив сохранения культурного разнообразия автором была выбрана категория регионализации как противоположная процессам глобализации. Автор солидарен с П. Сорокиным, который утверждал, что территориальные связи являются самыми сильными из всех возможных. Для реализации поставленной задачи автор обратился к рассмотрению понятий «регион», «регионализация», «регионализм», «глобальная регионализация». В статье исследуются процессы взаимодействия культур и понятие «культурная дистанция». Автор приходит к выводу, что современный процесс регионализации может быть представлен в качестве альтернативной модели структурирования мира, утверждающей уникальность и разнообразие культурных традиций.

Ключевые слова: глобализация, регионализация, глобальная регионализация, регион, регионализм, культура, взаимодействие культур, культурная дистанция

Для цитирования: Третьякова А. И. Особенности функционирования культуры под воздействием регионализации в условиях глобализации // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 4 (48). С. 89–97. DOI: 10.25688/2078-9238. 2023.48.4.8

Research article

UDC 130.2

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.8

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF CULTURE UNDER THE INFLUENCE OF REGIONALIZATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Anna I. Tretyakova

Omsk State Transport University,

Omsk, Russia,

annatretyakova85000@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8233-3217>

Abstract. It is generally believed that the formation of modern man takes place in the context of globalization. Modern globalization processes exacerbate the issues of preserving the diversity of cultural traditions. The relevance of the topic is due to the social demand for understanding the prospects for preserving cultural diversity as a necessary basis for human self-identification in a globalizing world. To understand the prospects of preserving cultural diversity, the author chose the category of regionalization as opposed to the processes of globalization. The author agrees with P. Sorokin, who claimed that territorial ties are the strongest of all possible. To implement this task, the author turned to the consideration of the concepts of “region”, “regionalization”, “regionalism”, “global regionalization”. The article examines the processes of interaction between cultures and the concept of “cultural distance”. The author comes to the conclusion that the modern process of regionalization can be presented as an alternative model of structuring the world, asserting the uniqueness and diversity of cultural traditions.

Keywords: globalization, regionalization, global regionalization, regionalism, culture, interaction of cultures, cultural distance

For citation: Tretyakova, A. I. (2023). Features of the functioning of culture under the influence of regionalization in the context of globalization. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (48), 89–97. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.48.4.8>

Введение

Современный человек стал свидетелем и участником глобализационных процессов. Глобализация — это процесс объединения различных стран и народов в единую мировую экономику и культуру. Факторами глобализации выступают постоянно развивающиеся технологии. Они позволяют людям общаться, сотрудничать друг с другом, способствуют выстраиванию межкультурной коммуникации, политических, экономических отношений. В то же время в философских исследованиях социокультурной направленности большое внимание уделяется вопросу вероятной утраты многообразия культурной идентификации человека в условиях глобализации.

Ответной реакцией на глобализационные процессы стали процессы регионализации, при которых отдельные регионы становятся более независимыми и самостоятельными от других регионов. Становление человека в условиях регионализации происходит в результате его интеграции в определенную региональную группу или сообщество. Оно может происходить через различные механизмы, такие как образование, работа, культура, религия и др. Исследователи отмечают, что «регионализация внутренне присуща всем типам современных сообществ независимо от их размеров, уровня развития, особенностей политических и государственных структур и т. д.» [Плотникова, Дубровина, 2013, с. 135]. Таким образом, возникает вопрос: каковы особенности формирования и перспективы сохранения культурного многообразия как необходимой основы самоидентификации человека, находящегося одновременно в условиях глобализации и регионализации?

Методы / Методологические основания

Целью исследования является рассмотрение феномена регионализации в условиях глобализирующегося мира. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующую задачу: исследовать возможности регионализации в противостоянии культурной унификации мира, вызванной глобализационными процессами.

Для прояснения ключевых категорий «регион», «регионализация», «регионализм», «глобальная регионализация» в работе используется метод анализа исследовательских позиций А. Тойнби, И. Валлерстайна, Ф. Броделя, Р. Арона, А. Н. Чумакова, Ю. А. Абрамова, В. И. Куйбаря, О. Н. Астафьевой, Г. А. Аванесовой, О. Г. Леоновой, В. Н. Стрелецкого, Л. В. Смирягина. Методологической основой исследования послужила соответствующая концепция П. Сорокина.

Литературный обзор

Анализ научной литературы показывает, что феномен регионализации является предметом изучения исследователей различных направлений. Так, английский историк и социолог А. Тойнби считал, что региональные различия являются результатом исторических и культурных факторов [Тойнби, 1991, с. 113–114]. Американский социолог и экономист И. Валлерстайн разработал теорию мировой системы, которая объясняет, как глобальные экономические процессы влияют на региональные различия [Валлерстайн, 2001, с. 102–103]. Французский историк Ф. Бродель связывал экономические и социальные изменения, происходившие на протяжении веков, с региональными различиями [Афанасьев, 1985, с. 70]. Французский политолог Р. Арон исследовал политические и культурные различия между регионами и странами [Арон, 2000, с. 240–272].

Для понимания феномена регионализации необходимо обратиться к понятию «регион», от которого оно образовано. Термин «регион» используется в философии, культурологии, экономике, политике, географии и других дисциплинах. В широком смысле понятие «регион» можно определить как «пространство, ограниченное физико-географическими, административными или какими-либо другими рубежами» [Чумаков, 2003, с. 965]. Понятие «регион» можно представить «как общенаучную категорию, обозначающую конкретно-историческую целостность, обладающую свойством ресурсной... технологической и этнокультурной самодостаточности для расширенного социального воспроизводства» [Абрамов, Куйбарь, 2008, с. 249].

Аналогично феномен регионализации не имеет однозначной привязки к конкретной научной дисциплине, оказывая воздействие на разные аспекты жизни человека: «регионализация — это внутренняя интеграция для сохранения самостоятельности национальных рынков, этнокультурного своеобразия и т. д.» [Астафьева, Аванесова, 2003, с. 118]. Существуют различные подходы к определению сущности процесса регионализации. При экономическом подходе под регионализацией понимается процесс интенсификации экономических связей между странами, регионами и группами стран в определенных географических областях. Политический подход рассматривает регионализацию как процесс создания и укрепления политической интеграции внутри определенных региональных групп. При географическом подходе регионализация представляет собой процесс формирования региональных групп на основе географических, экологических, исторических и культурных факторов. Институциональный подход изучает регионализацию как процесс создания и развития институтов и организаций, обеспечивающих регулирование взаимодействия между странами и регионами. При культурологическом подходе регионализация исследуется как процесс формирования общей культурной идентичности внутри определенного географического региона. Объединяя вышесказанное, можно утверждать, что регионализация представляет собой процесс территориального структурирования пространства внутри страны, а также процесс интеграции регионов в международные связи на международном уровне.

Разделение территорий по пространственному критерию вполне традиционная схема, которая вписывается в политико-исторический контекст общественного существования. Под натиском глобализационных процессов смысл регионального разделения меняется. Регионализация предстает как следствие процессов глобализации или ее вспомогательный элемент. В случае если за отправную точку берется идея причинно-следственной связи, то регионализация проявляется в стремлении локальных цивилизаций оградить себя от вторжения иных цивилизаций и от глобализации в целом. Американский социолог С. Хантингтон сформулировал концепцию «столкновения цивилизаций», где исследует, каким образом региональные различия могут привести к конфликтам между различными культурами и цивилизациями [Хантингтон,

2003, с. 286, с. 705]. Рассматривая регионализацию как вспомогательный элемент глобализации, логично допустить, что глобализация может быть достигнута не только с помощью усиления взаимосвязей между странами, но и с помощью взаимодействия между регионами. В таком варианте регионализация представляет собой инструмент сохранения региональной идентичности в условиях глобализации.

Современные научные исследования не ограничиваются изучением глобализации и регионализации. Ученые обращают внимание на необходимость изучения процесса глобальной регионализации. Данный процесс протекает параллельно глобализации. «Глобальная регионализация есть объективный мировой процесс, который следует рассматривать как неотъемлемую составную часть глобализации» [Леонова, 2013, с. 65]. Глобальная регионализация является следствием глобализации. Современный глобальный мир — многомерный мир, где регионализация международных отношений выступает способом геополитического и межкультурного равновесия. Необходимыми системообразующими факторами при таком подходе являются социокультурные, демографические, информационные, географические, исторические, этноконфессиональные условия региона. Глобальная регионализация есть организованный, четко планируемый, объективный мировой процесс, являющийся составной частью глобализации.

При изучении феномена регионализации необходимо обратиться и к феномену регионализма. Данный термин стал популярен в середине прошлого века, с тех пор он нашел отражение в разных областях дисциплинарного знания. В широком смысле под регионализмом понимается «подход к рассмотрению и решению экономических, социальных, политических и других проблем под углом зрения интересов потребителей того или иного региона» [Смирягин, 2013, с. 210]. Одним из направлений исследования является изучение регионализма в качестве феномена культуры. Культурный регионализм представляет собой «двуединный феномен, который включает две важнейшие составляющие: объективную основу и субъективный, перцепционный “слой”» [Стрелецкий, 2012, с. 11]. Объективный слой создает уникальный колорит и неповторимость, отличающий одну территорию от других, с помощью сочетания культурных особенностей, свойственных конкретной территории. Субъективный слой выражается в убежденности людей в своей уникальной идентичности, а также в признании самобытности и своеобразия людей, проживающих на различных территориях и местностях.

Ключевым понятием при изучении регионализма в качестве феномена культуры является региональное самосознание людей. Русский, а затем американский социолог П. Сорокин отмечал присутствие особого рода коллективного единства людей, постоянно проживающих на одной территории: «...индивиды, живя совместно, волей-неволей должны постоянно сталкиваться и неизбежно принуждены быть солидарными во многих отношениях. Жизнь в данном месте вызывает особый местный солидаризм, «местный

патриотизм»...» [Сорокин, 2008, с. 523]. По мнению П. Сорокина, территориальные связи являются самыми сильными из всех возможных.

Результаты и обсуждение

Актуальным вопросом современного глобализирующего мира остается вопрос о сохранении уникальности и многообразия культурных традиций. Глобализация оказывает значительное влияние на культуру. Как следствие, глобализация приводит к утрате уникальных культурных различий, ценностных ориентиров, размытию культурных границ. Культуры более мощных и развитых стран доминируют над культурами менее развитых стран. Имеющиеся исследования показывают, что «умирание» культур — естественный процесс, который неоднократно случался на протяжении истории человечества. Одни традиции исчезают, другие переходят в разряд праздников. При этом многообразие культурного наследия остается. В то же время нельзя отрицать, что доминирование одной культуры над другой может стать причиной конфликтов. Этому в истории человечества тоже имеются неоднократные подтверждения.

Взаимодействие культур — процесс, относящийся к базовому принципу функционирования культур в условиях глобализации [Астафьева, Аванесова, 2003, с. 116]. Культурные механизмы включаются в сложную систему интеграционных отношений и связей в сфере экономики, политики, информационных технологий и коммуникаций, поддерживая динамическое равновесие между разнообразием и единообразием. Выделяют три уровня взаимодействия между культурами: этнический, национальный и цивилизационный уровни. В повседневной практике взаимодействия между вышеуказанными уровнями имеют перекрещивающийся характер. Тем не менее следует отметить, что сложнее всего отношения выстраиваются на этническом уровне, так как они затрагивают некогда обособленные этносы. Наиболее продуктивными считаются взаимодействия на цивилизационном уровне, особенно в плане обмена духовными, художественными и научными достижениями. В том числе необходимо отметить роль информационно-коммуникационных систем в процессе взаимодействия культур.

Взаимодействие между культурами предполагает наличие ряда культурных расхождений, которые необходимо преодолевать. Понятие «культурная дистанция» описывает степень различия между культурами. Географический слой культурной дистанции определяет расстояние между культурами и измеряется в километрах. Социальный слой культурной дистанции отражает разницу в социальных отношениях между культурами: одна культура может быть более открытой и динамичной, а другая — более закрытой и консервативной. Культурная дистанция может проявляться в языке, обычаях, традициях, ценностях и других элементах культуры. Например, в экономической

сфере культурная дистанция является фактором, побуждающим фирмы вести дела со странами, имеющими схожие культурные коды, независимо от их географического положения, потому что трудностей с пониманием культурных различий гораздо меньше [Sherriff, Brewer, Liesch, 2010, p. 79]. Культурная дистанция является важным фактором не только при выборе стратегий ведения бизнеса в разных странах, но и в выстраивании межкультурного взаимодействия.

Регионализация способна содействовать взаимодействию и преодолению всевозможных культурных дистанций, например с помощью развития культурного туризма. В современном мире культурный туризм является востребованным и тем самым эффективным способом сохранения и укрепления региональных культур. Он позволяет людям познакомиться с культурой и традициями разных народов, узнать больше об их истории и обычаях. Такой вид отдыха делает человека внутренне сопричастным с «чужой» культурой, происходит «соприкосновение с территорией». В том числе культурный туризм способствует сохранению уникальных памятников архитектуры и искусства, которые могут быть утрачены в результате урбанизации и индустриализации.

При реализации регионального подхода признается наличие культурных дистанций между регионами и необходимости поиска компромиссов при планировании взаимодействия между ними. Каждый народ, каждое общество, каждая цивилизация имеют право на сохранение неприкосновенности своей идентичности. Региональные различия охватывают материальные и духовные компоненты бытия индивидов. Благодаря этим компонентам создается уникальный культурный код социального поведения. Культурные коды регионализации формируются из набора символов, традиций, обычаев и ценностей, которые характерны для определенного региона. Они отражают историю, культуру и менталитет жителей региона, помогают человеку сохранять свою идентичность.

Заключение

В регионализации культурный аспект является основополагающим. Регионализация способствует развитию местной экономики посредством привлечения инвестиций и создания новых рабочих мест, в том числе за счет развития культурного туризма. Кроме того, регионализация может помочь в решении проблем, связанных с неравномерным распределением ресурсов и доходов между регионами. Региональные власти могут использовать свои полномочия для создания благоприятных условий для развития местной экономики и улучшения качества жизни населения без утраты культурного наследия и самоидентификации населения.

Таким образом, можно говорить о том, что глобализация и регионализация — два динамично развивающихся процесса современного мира, оказывающих влияние на развитие общества. Регионализация, являющаяся внутренне

присущей характеристикой всех современных сообществ, может быть рассмотрена в качестве вызова глобализационным процессам современного мира или способа достижения глобализации. В любом случае регионализация выступает неким компромиссом глобализационных процессов, сдерживая возможную унификацию культурного пространства.

Список источников

1. Плотникова О. В., Дубровина О. Ю. Глобализация и регионализация, их влияние на международное сотрудничество регионов государств // *Власть*. 2013. Т. 21. № 2. С. 134–136.
2. Тойнби А. *Постижение истории*. М.: Прогресс, 1991. 730 с.
3. Валлерстайн И. *Конец знакомого мира: социология XXI века*. М.: Логос, 2004. 156 с.
4. Афанасьев Ю. Н. Фернан Бродель и его видение истории // *Новая и новейшая история*. 1985. № 5. С. 62–71.
5. Арон Р. *Мир и война между народами*. М.: Nota bene. 2000. 880 с.
6. Чумаков А. Н. *Регион // Глобалистика: энциклопедия*. М.: Радуга, 2003. С. 965.
7. Абрамов Ю. А., Куйбарь В. И. Глобальная регионализация: к обоснованию понятия // *Социально-гуманитарные знания*. 2008. № 1. С. 242–250.
8. Астафьева О. Н., Аванесова Г. А. *Взаимодействие культур // Глобалистика: энциклопедия*. М.: Радуга, 2003. С. 116–120.
9. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М.; СПб.: АСТ, 2003. 603 с.
10. Леонова О. Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // *Век глобализации*. 2013. № 1. С. 59–66.
11. Смирягин Л. В. *Регионализм // Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник*. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 210–211.
12. Стрелецкий В. Н. *Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал*. 2012. № 14. С. 9–21.
13. Сорокин П. А. *Система социологии*. М.: Астрель, 2008. 1008 с.
14. Sherriff G., Brewer P., Liesch P. Influence of Regionalization and Cultural Distance // *Journal of Asia-Pacific Business*. 2010. May. С. 78–98.

References

1. Plotnikova, O. V., & Dubrovina, O. Yu. (2013). Globalization and regionalization, their impact on international cooperation of regions of states. *Power*, 21, 2. 134–136. (In Russian).
2. Toynbee, A. (1991). *Comprehension of history*. Moscow: Progress. 730 p. (In Russian).
3. Wallerstein, I. (2004). *The End of the Familiar World: Sociology of the XXI century*. Moscow: Logos. 156 p. (In Russian).
4. Afanasyev, Yu. N. (1985). Fernand Braudel and his vision of history. *New and modern history*, (5), 62–71. (In Russian).
5. Aron, R. (2000). *Peace and war between nations*. Moscow: Nota bene. 880 p. (In Russian).

6. Chumakov, A. N. (2003). Region. *Globalistics*. Encyclopedia (p. 965). Moscow: Raduga. (In Russian).
7. Abramov, Yu. A., & Kuybar, V. I. (2008). Global regionalization: to substantiate the concept. *Social and humanitarian knowledge*, (1), 242–250. (In Russian).
8. Astafyeva, O. N., & Avanesova, G. A. (2003). Interaction of cultures. *Globalistics: encyclopedia* (pp. 116–120). Moscow: Rainbow. (In Russian).
9. Huntington, S. (2003). *Clash of Civilizations*. Moscow; Saint Petersburg: AST. 603 p. (In Russian).
10. Leonova, O. G. (2013). Global regionalization as a phenomenon of the development of the global world. *Century of Globalization*, (1), 59–66. (In Russian).
11. Smiryagin, L. V. (2013). Regionalism. *Socio-economic geography: concepts and terms*. Dictionary-reference (pp. 210–211). Smolensk: Ojkumena. (In Russian).
12. Streletskiy, V. N. (2012). Cultural regionalism: the essence of the concept, the problems of studying and the system of indicators. *Pskov Regionological Journal*, (14), 9–21. (In Russian).
13. Sorokin, P. A. (2008). *System of sociology*. Moscow: Astrel. 1008 p. (In Russian).
14. Sherriff, G., Brewer, P., & Liesch, P. (2010, May). Influence of Regionalization and Cultural Distance. *Journal of Asia-Pacific Business*, 78–98.

Информация об авторе / Information about the author

Третьякова Анна Игоревна — аспирант кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения, Омск, Россия.

Tretyakova Anna Igorevna — postgraduate student of the Department of History, Philosophy and Culture Studies, Omsk State Transport University, Omsk, Russia.

annatretyakova85000@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8233-3217>

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам. Журнал адресован философам-исследователям, представителям социально-гуманитарного знания, аспирантам и соискателям ученой степени — всем, кто интересуется философским осмыслением сущности человека и общества, проблемами познания, этики и философии культуры.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

- объем статьи — от 20 000 до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, с учетом списка литературы (*не менее 20 000 и не более 40 000*);

- поля — по 2,5 справа, слева, сверху, снизу;

- шрифт — 14, Times New Roman;

- интервал — полуторный;

- красные строки — 1,25 (выставляются автоматически);

- для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом документа используются отсылки, которые приводятся в тексте документа в квадратных скобках с указанием идентифицирующих сведений, например: [ФАМИЛИЯ автора, год издания, с. 17]; [ФАМИЛИЯ автора, год издания, с. 17–25] (обратите внимание, что указывается только ФАМИЛИЯ автора (авторов), без инициалов);

- в верхнем левом углу указывается тип статьи (обзорная; научно-теоретическая; научно-практическая; аналитическая; научно-публицистическая; научно-исследовательская);

- далее указывается классификационный индекс Универсальной десятичной классификации (УДК — <https://teacode.com/online/udc/>);

- далее — заглавие статьи на русском языке (выравнивание по центру, кегль шрифта — 14, буквы заглавные, выделение жирным шрифтом). В конце заглавия статьи точка не ставится;

- имя, отчество и фамилия (полностью) авторов (выравнивание по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом);

- информация о месте работы (учебы) автора(ов), электронные адреса, ORCID (Open Researcher and Contributor ID — <https://orcid.org>) авторов указывается после имен авторов на разных строках и связывается с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений — 1 (выравнивание по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом);

- перечень затекстовых библиографических ссылок, озаглавленный *Список источников* (кегель шрифта — 14, выравнивание по ширине страницы). Список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» и строится в порядке цитирования источников в тексте статьи;

- список источников на английском языке, озаглавленный *References*, — в соответствии со стилем APA (7th edition) (<https://apastyle.apa.org>). В *References* необходимо полностью повторить список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеется или нет в нем иностранная литература. Последовательность авторов в *References* должна полностью совпадать с русскоязычным списком источников;

- в список источников включаются только **научно-исследовательские работы (научные статьи, монографии, книги)**, в том числе не менее 50 % зарубежных (за последние 3 года (Scopus) / 5 лет (Web of Science), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников. Ссылки на **другие виды источников** (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций и др.) оформляются внутри текста статьи **подстрочными ссылками** (в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка»);

- материал статьи должен отвечать требованиям оригинальности: не менее 75 % для обзорных (аналитических) рукописей; не менее 85 % для эмпирических.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте: <https://philosophy.mgpu.ru/instrukciya-dlya-avtorov/>

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ. Серия «Философские науки» предлагаем обращаться к составителю — заместителю главного редактора *Светлане Васильевне Черненькой* (ChernenkayaSV@mgpu.ru).

E-mail: vestnikphilosophya@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal

**Вестник МГПУ.
Серия «Философия».**

**MCU Journal
of Philosophical Sciences**

2023, № 4 (48)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор философских наук, профессор *А. В. Жукоцкая*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

А. В. Лященко

Корректор:

К. М. Музамилова

Технический редактор:

О. Г. Арефьева

Верстка:

А. В. Бармин

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36

Подписано в печать: 06.02.2024 г.
Формат: 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.
Объем: 6,25 печ. л. Тираж: 1000 экз.